ISSN № 0130-7045

В этом номере

БУРЯТИЯ СЕГОДНЯ
Интервью, репортаж, статьи

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «ПРИРОДА»

Г. БАКАНУРСКИЙ
БИБЛЕЙСКИЕ ДОГМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ

Г. СНЕСАРЕВ
КУЛЬТ СВЯТЫХ В ХОРЕЗМЕ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

Ф. ЦИНОЛДР
ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

А. ИОНОВА
«ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА»

8 • 1983

Культ святых есть во всех мировых религиях, есть он и в исламе, хотя тут он сложился далеко не сразу, а по мере утверждения этой религии в различных районах мира, в процессе формирования мусульманского вероучения. Поклонение святым, паломничество к местам, связанным с их именами, стало нормой религиозного поведения мусульманина.

В любом районе традиционного распространения ислама в нашей стране есть эти так называемые святые места. Многие давно утратили свое прежнее значение, заглохли, их редко посещают верующие, иные же и сегодня еще окружены почитанием; это одна из основных форм проявления современной религиозности.

Изучение культа святых, путей его становления, отношения к нему верующих чрезвычайно интересно в теоретическом и практическом плане, оно необходимо религиоведу, этнографу, историку, археологу, психологу.

Немало ценных сведений о культе святых в исламе собрали этнографы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, с 1952 года изучающей Хорезм — древний край, где зарождалась среднеазиатская цивилизация. Об этнографических находках экспедиции, в том числе и относящихся к культу святых, рассказал в своих книгах ее участник Глеб Павлович Снесарев (рекомендуем читателям его книги: «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма». М., 1969; «Под небом Хорезма». М., 1973).

Предлагаем несколько очерков Г. П. Снесарева, в которых он продолжает рассказ об исследованиях судеб мусульманских святых в Хорезме.

Это очень разные святые, биография многих из них начинается задолго до появления в Средней Азии мусульманской религии. Древние верования продолжили свою жизнь под покровом ислама. Но каковы бы ни были судьбы святых, у всех у них вполне земные корни, они связаны с закономерностями развития духовной жизни народов на определенных этапах их истории. Поклонение им в наши дни приобрело иной характер, чем, скажем, в прошлом веке, какие-то моменты культа святых исчезают из сознания людей, не подкрепляемые их реальной жизнью, какие-то еще сохраняются.

В первом очерке рассказывается о популярном среди верующих Средней Азии культе Султан Ваиса.

Дервиши у мазара Султан-Ваиса (дореволюционный снимок).

Религия, церковь, верующий

ХОРЕЗМСКИЕ СВЯТЫЕ

СУЛТАН-ВАИС

Г. СНЕСАРЕВ, кандидат исторических наук

Что такое Хорезм? Откройте карту Средней Азии — вы легко найдете на ней Амударью — главную водную магистраль края, стекающую с Памира. В нижнем ее течении оазис, по форме напоминающий треугольник, зажатый с двух сторон пустынями Каракумы и Кызылкумы, а третьей стороной примыкающий к Аральскому морю, — это и есть Хорезм, или Южное Приаралье. История этого края уходит в глубь тысячелетий, вплоть до нового каменного века...

Тут известно множество святых всех рангов и «специальностей», однако ни один по степени популярности, силе воздействия на сознание верующих людей как в прошлом, так — приходится признать — и в наше время не сравнится с Ваисом аль Карани, которого в Хорезме называют Султан-бобо или Султан-Ваис.

Основной центр его культа — святилище Султан-бобо находится в низовьях Амударьи, в значительном отдалении от населенных пунктов, на южном склоне горного хребта, который и носит его имя — Султануиздаг. Здесь разместился целый комплекс культовых строений: усыпальница, мечеть, ошхона (кухня), поблизости — выше по склону хребта — усыпальница Чинар-бобо, мавзолей Вали-аталыка и мазар Ак-Саид-бобо. Вокруг святилища большое старое кладбище — сюда в течение многих столетий привозили хоронить умерших со всего оазиса.

В начале 50-х годов наш этнографи-

ческий отряд много раз бывал в этом святилище, и надо сказать, что жизнь вокруг усыпальницы Султан-Ваиса тогда кипела ключом. Для паломников здесь был создан даже известный «сервис»: действовала мехмонхона — гостиница с обширным айваном (верандой), налажено было и кухонное хозяйство для приготовления жертвенных баранов, бойко щелкал на счетах бухгалтер.

Надо было разобраться, почему легендарный персонаж, выходец, как нам было известно, из далекой Аравии, так хорошо прижился в низовьях Амударьи, что его культ сохранился до нашего времени.

Удивление сразу же вызвало то, что в центре внимания приехавших сюда людей была не могила Султан-Ваиса, а довольно большой священный бассейн — хауз. Паломники пили из него воду, мыли ею лицо, а многие совершали полное омовение, для чего рядом шейхи соорудили павильон, который мог вместить человек 20—25 одновременно. Воду из хауза увозили с собой в бидонах, бутылках — она считается святой и должна помочь при болезнях и прочих бедах. Но при чем здесь Султан-Ваис? Нам объяснили: родниковая вода, наполняющая бассейн, вытекает из ног погребенного старца.

В священном бассейне мы увидели рыб. Большие, ленивые, жирные, они, казалось, обросли каким-то мохом от старости. Временами, красуясь в прозрачной воде, они медленно и важно подплывали к самому берегу. Рыбы эти тоже считаются священными. Паломники подолгу смотрели на них, кормили их — это входило в ритуал паломничества. Нам особенно охотно рассказывали о страшных наказаниях, которые постигли тех, кто покушался на священных рыб (вообще в Хорезме мы обнаружили многочисленные пережитки культа рыб[1]).

Житель Ургенча Вапа Ваисов, в то время постоянно прислуживавший на мазаре Султан-Ваиса, рассказывал: «В нашем хаузе 10 рыб... Пять-шесть лет тому назад с гор пошла дождевая вода (имеется в виду сель. — Г. С.) и здесь стояло целое озеро; в это время рыбы из хауза ушли. Две рыбы погибли, и мы их похоронили в усыпальнице около изголовья могилы Султан-Ваиса. Я сам завернул их в дастархан (скатерть, на которой выставляются угощения. — Г. С.) и сам замазывал лаз в этот мазар».

Об этом же факте нам говорил и хивинец Шарип Джуманиязов, однако его сообщение уже приближалось к легенде: мол, в священном хаузе при мазаре Султан-бобо каждый год прибавляется по рыбе, но как-то одну из них убил приезжий инженер («И тут же умер!»). Шейхи мазара завернули эту рыбу в саван, прочитали джаназу — заупокойную молитву, и в этот момент рыба вдруг превратилась в ребенка.

И достоверный факт похорон рыб, и легендарная его трактовка свидетельствовали о том, что истоки культа рыб следует искать в тотемизме — в той его фазе, когда господствовало, по точному замечанию С. П. Толстова, представление о животном-тотеме как о брате, то есть члене коллектива[2].

С хаузом священного мазара связан и ритуал, совершаемый паломницами, в основном бездетными. Они идут от бассейна босиком по камням и колючкам вдоль сухого русла — сая, по которому только весной стекает из хауза избыток воды. По дороге они повязывают на кусты или скальные выступы обетные тряпочки. Берега сая испещрены промоинами и щелями между скалами, паломницы их не обходят, а протискиваются через них. В конце пути они строят из нескольких камней «арвох уйи» — домики предков, миниатюрные имитации жилых сооружений, символический знак магической связи со святилищем. Считается, что этот ритуал помогает избавиться от бесплодия и других женских заболеваний.

В культовый комплекс Султан-Ваиса входит и мазар Чинар-бобо. Паломники идут к нему раньше, чем к главной усыпальнице. Это связано с поверьем, согласно которому Чинар-бобо был не то устазом (духовным наставником) Султан-Ваиса, не то его муэдзином в мечети, не то цирюльником, — но как бы то ни было, святой так ценил его, что повелел: «Он должен быть сверху». Нам так объяснили, почему мазар Чинар-бобо расположен выше усыпальницы и почему паломникам надо идти сначала к нему.

Фигура Чинар-бобо представляется весьма примечательной. Святой этот, в сущности, не имеет имени, ибо чинар означает дерево, платан. Это всего лишь прозвище. Наконец, он абсолютно лишен каких бы то ни было биографических данных — и реальных и легендарных. Практика свидетельствует: за такими безымянными святыми непременно скрывается какой-нибудь объект языческого почитания. В данном случае — дерево.

Культ деревьев еще в глубокой древности существовал в Хорезме. Особой сакральной силой — злой или доброй — наделялись шелковица, джида, боярышник, гуджум, фруктовые деревья. С распространением ислама этот культ потерял самостоятельность: священные деревья стали почитаться лишь в связи с каким-либо мусульманским святым и его мазаром.

Чинар — платан издавна почитался на Востоке и в Средиземноморье, поэтому можно высказать предположение, что хорезмский Чинар-бобо — не что иное, как антропоморфизация древнего растительного объекта поклонения. Иными словами, мазар Чинар-бобо это один из объектов пережиточного домусульманского комплекса верований урочища Султан-Ваиса.

Поклонившись Чинар-бобо, паломники идут к месту, где, согласно популярнейшей в Хорезме легенде, святая Амбар-она доила спустившуюся к ней с гор дикую козу. Эта святая считается покровительницей женщин. Она явно заместила в хорезмийских верованиях доисламскую богиню воды, плодородия, деторождения Дизану, которой в древности поклонялись в Средней Азии.

А на пути к месту, связанному с этой святой и ее дикой козой, паломников ожидает любопытная встреча — с шейхом, возле которого стоят весы. На одной их чаше лежит камень. «Что это?» — спрашивает по ритуалу пришедший. «Это твои грехи», — отвечает ему шейх, и паломник кладет на другую чашу камень, чтобы его «добрые дела» перевесили грехи. Шейху же за то, что позволил это сделать, вручают подарок. «Ну и находчивость! — подумали мы. — Устроить возле мазара модель страшного суда и загробного воздаяния!»

Прежде чем посетить еще один, быть может, самый интересный сакральный объект в урочище Султан-бобо, обратимся к нашему главному персонажу — самому Ваису аль Карани.

Легенды о нем, услышанные нами в Хорезме, содержат лишь два-три сюжета из биографии святого. Полная путаница царит в датах его жизни — как в слышанных нами устных легендах, так и в письменных источниках. Служитель святилища Султан-бобо Вапа Ваисов говорил нам (в 1956 г.), что святой умер 1345 лет назад. Выходит, еще при жизни мусульманского пророка Мухаммеда и даже до того, как посланник Аллаха выступил со своими проповедями. Ссылаясь на рукописное жизнеописание святого, Вапа Ваисов рассказывал, что Ваис аль Карани принимал участие в битвах имама Али за халифский престол, а это происходило, как известно, в 651—656 годах.

Из всего услышанного в Хорезме о Ваисе аль Карани самым выразительным был, пожалуй, рассказ Саида-ака, 73-летнего плотника из Ханка, в ответ на наш вопрос, что знает он о Султане-Ваисе:

— Султан-Ваис всегда ходил босой, голый, чуть прикрытый паласом. Ходил с криками: «Ху! Ху!» (по-арабски — «он», одно из имен Аллаха. — Г. С.). Изо рта его только

[1] Подробнее об этом см.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

[2] См.: С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 26.

молитвы исходили. Каждый вздох Султан-Ваиса доносился до Мекки, ангелы его окружали. Пришли к нему сподвижники пророка — Абубекр, Омар, Осман и Али, принесли одежду, посланную Султан-Ваису пророком Мухаммедом,— хырку (плащ) и кулях (колпак). Надел все это на себя Султан-Ваис и предстал перед богом, схватил камень и разбил себе голову, заливаясь слезами. Собрались все птицы и плакали над его разбитой головой. Султан-Ваис потребовал у бога всех грешников в свое распоряжение, дабы наставить их на истинный путь. Но бог возмутился тем, что он разбил себе голову. «Твои слезы превратились в дарью (реку)», — сказал бог Ваису. «Я прошу у тебя грешных людей», — настаивал Султан-Ваис. Бог уступил ему только одну треть грешников. А Султан-Ваис все настаивал на своем и снова бил себя камнем по голове... Потом он стал молиться о судьбе оставшихся грешников, и они были тоже отданы ему.

Этот рассказ передает один из основных сюжетов хорезмских легенд о святом — его смелую «торговлю» с богом за души грешников.

Разнобой в датировке и в имени Ваиса, многие неувязки в местных данных о нем — все говорит о том, что его образ чужд среднеазиатской действительности. Очевидно, тем, кто с самого начала распоряжался судьбами этого святого в условиях Средней Азии, в частности Хорезма, пришлось немало потрудиться, чтобы сделать его «местным».

Жизнеописания Ваиса аль Карани сообщают, что он был пастухом из Йемена. И те, кто рассказывал нам о нем, тоже говорили, что Султан-Ваис родился в Йемене, но жил он будто бы в Хорезме, не порывая, впрочем, связи с родиной. «Шагнет Султан-Ваис шаг — и оказывается в Йемене», — рассказывали нам о чудесных способностях святого. То же стремление приблизить хорезмского святого к Аравии, Ираку, — то есть к тем краям, где зародился и формировался ислам, — проскальзывает и в легендах, повествующих о позднейшей его судьбе: «Когда хазрет Али вел войну, Султан-Ваис пошел к нему на помощь. Врагов было множество, но Султан-Ваис взял в полу халата 96 камней. Бросил один камень — многих врагов уничтожил, все камни бросил — врагов не осталось». Легенды говорят, что Султан-Ваис и погиб в битве как шахид (мученик, так называли воинов ислама).

Но если он погиб далеко от Хорезма, то местным создателям его культа необходимо было объяснить, каким же образом оказалась в Хорезме его могила. Выручил весьма удобный, стандартный миф, нередко применявшийся в тех случаях, когда какого-либо святого, точнее его бренный прах, «рвали» в разные стороны и во многих местах мусульманского Востока оказывалось несколько его усыпальниц, причем все одинаково «процветали», то есть были окружены поклонением.

Вот какой вариант этого мифа в применении к Султан-Ваису хорезмскому мы услышали от старика, жившего тогда при святилище Султан-бобо: «После смерти Султан-Ваиса семь падишахов спорили между собой о том, кому выпадет честь увезти его тело в свою страну. Хазрет Али повелел изготовить семь табутов (гробов) и у каждого поставить часовых. «В чьем табуте окажется вечером тело Ваиса, тот и увезет его к себе на родину», — сказал Али. Вечером оказалось, что тело Ваиса лежало во всех семи табутах, и падишахи развезли их в свои владения. Но настоящее тело Султан-Ваиса привезено только сюда, в эти места, хорезмским падишахом; в остальных табутах были только копии...»

Теперь следует сообщить еще об одной достопримечательности урочища Султан-бобо. В это священное место нас вместе с паломниками проводили шейхи мазара, предварительно напомнив об одном интересном сюжете легендарной биографии святого: когда Султан-Ваис узнал, что в битве при горе Оход у Мухаммеда был выбит камнем зуб, он пожелал тоже лишиться зуба, но не знал, без какого именно зуба остался пророк, и поэтому выбил себе все 32. Шейхи говорили, что это произошло именно в том месте, куда они нас ведут[3].

Каково же было наше удивление, когда в значительном отдалении от самой усыпальницы, в пустынной местности перед нами предстала сложенная на скальном выступе огромная груда камней, больших и малых, увенчанная шестами, на которых трепетали обетные тряпочки. При чем же тут зубы святого? Это было типичное «обо» — одно из множества примитивных древних святилищ, которые разбросаны на огромных территориях Средней Азии, Казахстана, Монголии, Бурятии и в других районах Азии.

«Обычай почитания обо был широко распространен у многих народов в древности... Самый ранний пласт в культе обо — это культ хозяина местности, ландшафтного божества, как правило обитавшего в самой характерной точке окружающей местности... В честь таких хозяев воздвигались самые древние и примитивные святилища — каменные насыпи, считавшиеся обиталищем этих духов»,[4] — пишет Н. Л. Жуковская в разделе своей монографии, посвященном культу обо. Позднее, с распространением в Азии развитых религий — ламаизма, ислама, эти хо-

[3] *В. А. Гордлевский сообщает поверье, согласно которому в память о решительной расправе Ваиса со своими зубами и созданы мусульманские четки «тесбих». Каждая из их трех частей заключает 32 + 1 = 33 зерна — по количеству зубов, которые утратили Ваис и пророк. Однако поверье это совершенно не соответствует ортодоксальной традиции, согласно которой 99 зерен четок обозначают 99 имен Аллаха.*

[4] *Н. Л. Жуковская. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977, стр. 35—36.*

Имитация детских люлек у святилища — их оставляют здесь женщины, вымаливающие детей у Султан-Ваиса

Паломницы.

зяева местности получали новое имя, создавались легенды, объясняющие причины их почитания.

Не произошел ли некогда аналогичный процесс трансформации и с хорезмским «обо священного зуба» (назовем его так условно), когда образ Ваиса аль Карани, занесенный в эти места с исламом, заменил здесь «хозяина местности», а связанная со святым весьма колоритная легенда вытеснила анимистические представления об этом нагромождении камней?

Однако судьбы «обо священного зуба», столь почитаемого паломниками (в чем мы в то время воочию убедились), служат для нас лишь исходным, отправным пунктом дальнейших доказательств того, что все урочище, где находится усыпальница Султана-Ваиса со всем комплексом почитаемых мусульманами объектов, было некогда крупным, если не центральным, святилищем доисламского Хорезма.

Культ Султан-Ваиса, как и многих среднеазиатских святых, связан со стихией воды. Напомним, что паломники Султан-бобо убеждены: родник, наполняющий священный хауз, вытекает из ног погребенного святого.

Знаменитый ученый средневекового Востока Абурейхан Бируни (X—XI вв.), сам уроженец Хорезма, рассказывал о древнем празднике хорезмийцев Вахш-Ангам в честь ангела, поставленного наблюдать за водами, в частности за рекой Джейхун. Джейхун — арабское и, следовательно, довольно позднее название реки Амударьи. Вахш — один из ее притоков. Тут очевидна семантическая близость имени «ангела, поставленного наблюдать за водами» и имени мусульманского святого: Вахш — Ваис. Несомненна прямая связь интересующего нас святилища с культом воды. Не случайно ведь то особое почтение, с которым относятся к воде хауза паломники. Не случайна, по нашему мнению, и близость мазара к Амударье, священной для верующих.

Бассейн со святой водой и священными рыбами, которых хоронят по всем правилам человеческих погребальных обрядов; шествия паломников к нагромождению камней — «обо священного зуба»; святое место, куда спускалась с гор мифическая дикая коза к поджидавшей ее святой; жертвоприношения домашних животных; магическое оформление лентами и тряпицами деревьев и кустов и столь же магический характер земляных ям и промоин в берегах сая; смутные представления о некоем Чинар-бобо, безымянном, не имеющем за собой никаких легенд, кроме объекта растительного культа; даже многовековой некрополь общехорезмского значения — все это убеждает в том, что здесь, в сравнительной близости к столичному центру античного и раннесреднеазиатского Хорезма и в необычной для этого края географической обстановке (горный хребет), процветало до прихода ислама крупное языческое святилище с полным набором обрядов магико-умилостивительного характера.

Значение его в домусульманской жизни населения края, несомненно, было велико. Поэтому с первых же шагов исламизации Хорезма потребовалось либо уничтожить его (что сделать так и не удалось), либо дать ему вполне «приличного», с точки зрения ислама, «хозяина». Эту важную роль и выполнил Ваис аль Карани, ставший для хорезмийцев Султан-Ваисом.

Процесс создания центра нового, уже мусульманского культа в предгорьях Султануиздага вполне можно сравнить с возникновением знаменитого мазара Шах-и-Зинда в Самарканде, доисламская основа которого установлена исследователями[5]. Интересно, что и время появления этих двух мазаров, по всей видимости, почти совпадает: десятые годы VIII века, начало активной исламизации после окончательного завоевания арабами Самарканда и Хорезма. Совпадает и имя главного исполнителя этих акций — Кутейба ибн Муслим, омейядский наместник, воздвигнувший в Самарканде первую мечеть, а в Хорезме расправившийся с зороастрийской религией и ее носителями (об этом свидетельствует Абурейхан Бируни)[6].

Да и святые, избранные в качестве «заменителей» прежних объектов поклонения, тоже в некотором отношении сходны: и Кусам ибн Аббас, которому посвящен мазар в Самарканде, двоюродный брат пророка, живший в последние свои годы в Мерве, и фанатик ислама Ваис аль Карани — оба они современники Мухаммеда, оба были хорошо известны в кругах мухаджиров и ансаров — сподвижников основателя новой религии. Но есть и различия: Кусам — личность исторически абсолютно достоверная; Ваис в этом отношении более сомнителен. Но так или иначе, он — персонаж легенды, рожденной на заре ислама в самой Аравии. И оба они принадлежат к той категории святых, которыми, наряду с Кораном, намазом и религиозным налогом, на первых же этапах исламизации снабжали новообращенных арабские миссионеры.

Появление на просторах Средней Азии столь колоритной фигуры, как Ваис аль Карани, еще раз подтверждает мысль о том, что первыми святыми, которых внедряли в Средней Азии мусульманские миссионеры, были кораническое пророки и сподвижники Мухаммеда, прославившиеся в священной войне против «неверных» — джихаде и в создании мусульманской

С какой просьбой к святому пришла эта женщина?

догматики. И если Ваис аль Карани — легендарная личность, то, надо полагать, легенда о нем родилась очень рано, а сам святой, по мере ее распространения, приобрел весьма важные для местных условий качества.

В Средней Азии верблюдоводство существовало с глубокой древности. И на родине ислама — в Аравии во времена возникновения этой религии без верблюда жизнь была немыслима. Таким образом, формы хозяйствования скотоводов Средней Азии не были чем-то неожиданным для появившегося здесь жителя аравийских пустынь. Но обычаи, обряды, божества и духи среднеазиатских кочевников были чужды аравитянину, к тому времени уже ставшему на путь ислама. Их требовалось либо искоренить, либо приспособить к мусульманству.

Вот тут-то и пригодилась раннему-

[5] См.: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963, стр. 143; О. А. Сухарева. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960, стр. 34.

[6] См.: Абурейхан Бируни. Памятники минувших поколений. Избр. произв., т. 1. Ташкент, 1957, стр. 63.

сульманская легенда о Ваисе аль Карани. Этот йеменский пастух, фанатичный поборник ислама, был исключительно подходящим кандидатом на роль святого — покровителя верблюдов Средней Азии со всеми вытекающими обрядовыми последствиями. Поверье о том, что Ваис аль Карани — покровитель верблюдов и верблюдоводов, и сегодня живет в памяти стариков в Средней Азии и Казахстане (в Туркмении его называют Вейис-баба, в Казахстане он известен под весьма искаженным именем Ойсыл-Кара).

Есть основания предполагать, что именно Хорезм сделался своего рода эпицентром распространения среди кочевников культа этого святого. Географическое положение Хорезма — оазиса, стиснутого со всех сторон пустынями и полупустынями, способствовало этому. Не следует забывать, что тесная связь оседлости с кочевьем — вообще одна из исторических реальностей Средней Азии. К тому же мы знаем, что Хорезм многие столетия был одним из активных форпостов исламизации Средней Азии. Поэтому нетрудно предположить, что «воцарившийся» здесь уже в VIII столетии святой стал одним из важнейших пиров — покровителей кочевой скотоводческой периферии.

Однако хорезмский Султан-Ваис — не только покровитель верблюдов, он — личность универсальная. К его усыпальнице шли за помощью больные, особенно бездетные женщины, сюда привозили больных с расстроенной психикой, мазару посвящали единственных детей, имя святого давали новорожденным...

Но главная причина того, почему так процветало это святилище в предгорьях Султануиздага, все же крылась в его прежней славе доисламского капища. Такие традиции живут в памяти народа весьма долго. Это, кстати, подтверждается тем, что здесь во все века ислама сохранялись пережитки древнейшего магического и умилостивительного ритуала со всеми сакральными компонентами, со всеми осколками первобытных верований, среди которых вода и рыбы, причудливые скалы и даже земля прославленного святого места. Мусульманский святой, если можно так выразиться, был «пристегнут» к древнейшему обрядовому комплексу.

В Средней Азии существовал особый мистический суфийский орден увайсийа, его основатели использовали имя Султан-Ваиса, сделав его своим авторитетом. Однако причислить его к категории суфийских святых, с именем которых связано множество возникавших в первые века ислама дервишеских орденов, мы не можем.

Основные черты, которыми легенды наделили Султан-Ваиса, далеки от суфийских идеалов. Ваис — одиночка, у него нет шейха — руководителя, нет и мюридов — учеников. Он не совершает караматов — чудес, столь свойственных шейхам мистических организаций. В легендах о Ваисе нет никаких сведений о сложном «пути» (шариат — тарикат — хакикат), который проходит суфий, чтобы познать божество и достичь слияния с его субстанцией. Напротив, Ваис легко вступает в контакт с божеством, говорит с ним запанибрата и в весьма резкой форме требует себе души грешников, то есть претендует на то, что является прерогативой одного лишь Аллаха. Этого не может позволить себе даже в мыслях ни один суфий.

Но какие же слои аравийского общества времен возникновения ислама нашли отражение в несомненно очень древней легенде о Ваисе аль Карани и ему подобных святых мусульманской агиологии? Кто стал прототипом полюродивого фанатика, который, как образно рисует его легенда, «всегда ходил босой, чуть прикрытый паласом, с криками «ху! ху!»; изо рта его только молитвы исходили»?[7]. Логика ведет нас к тому интереснейшему явлению, которое часто, но довольно скупо упоминается исламоведами при выяснении генезиса суфизма, — к мусульманскому аскетизму ранних этапов истории ислама.

Известно, что уже вскоре после хиджры в Медине пророка новой религии Мухаммеда окружали такого рода подвижники, обрекшие себя на служение богу и отказ от материальных благ. Это был самый начальный этап в истории мусульманского мистицизма. «...Первые мистики были аскетами, — пишет французский востоковед А. Массэ. — В проявлениях аскетизма, наблюдавшихся в начальном исламе, чувствуется несомненное влияние христианства: один привязывал себя к столбу, другой совершал пешком паломничество или давал зарок молчать во все время пути»[8]. О них рассказывает и хорезмская агиология: это, например, Диван-и-Бурх, который 40 лет простоял на одной ноге; это и Султан-Ваис, выбивший в честь пророка все свои зубы; и Рустам-бобо, 40 лет продержавший во рту ягоду священной джиды, дабы передать ее своему преемнику, и многие прочие...

Известный востоковед В. В. Бартольд, говоря о мусульманском мистицизме, отмечал, что Коран не требует и не поощряет отречения от мира, и в то же время обращал внимание на ту реакцию, которую грозная эсхатология учения ислама вызывала у его последователей[9]. Этот их постоянный страх перед загробным воздаянием за дела земные приводит к убеждению, что аскетизм в той начальной форме, которая нас интересует в данном случае, возникал как следствие этой реакции и получал дальнейшее развитие параллельно с рождением и укреплением ортодоксальной догматики ислама и что он не является всего лишь продуктом влияния других религий. Образ йеменского фанатика Ваиса аль Карани со всеми его специфическими чертами полностью вписывается в среду тех подвижников и аскетов, которые сопутствовали Мухаммеду и его ближайшему окружению в завоевании прочных позиций проповедуемой ими третьей мировой религии.

И все же, повторяем, несмотря на усилия исламизаторов, на их противодействие прежним культам, несмотря на популярность Султан-Ваиса в Хорезме, слава его святилища держалась на пережитках древнейших ритуалов. Они отнюдь не исчезли в массовом сознании с приходом ислама, более того, дожили даже до наших дней. И это вполне объяснимо: в них отразились те свойства человеческой психики, из-за которых религиозные пережитки сохраняются и в нашей действительности.

Сейчас, почти через 30 лет после того, как наш этнографический отряд изучал объекты паломничества в Средней Азии, уже нет такого оживления вокруг усыпальницы Султан-бобо. Однако и нет оснований считать, что это святое место заглохло вовсе. Оно еще и сегодня привлекает паломников. А это означает, что случаются в их жизни обстоятельства, требующие определенной компенсации. В поисках ее верующие идут к святому месту и в наши дни. Именно безвыходность каких-то ситуаций заставляет иных надеяться на умилостивительную магию, на то, что выполнение ее ритуалов привлечет им в помощь сверхъестественные силы. Бывает, что к святилищу ведет традиция, сохранившаяся в семье, где веками совершали паломничество к Султан-Ваису[10]. Перестройка сознания происходит медленно и порой не поспевает за социальными преобразованиями, совершающимися в районах традиционного распространения ислама. Но несомненно, что именно дальнейший ход этих преобразований в комплексе с атеистическим воспитанием населения, распространением просвещения в массах решают судьбу святых мест, доставшихся нам в наследство от прошлого.

---

[7] *Невольно приходит на память образ легендарного христианского аскета — Иоанна Предтечи, одетого в шкуры и питавшегося акридами и диким медом. Это сравнение, быть может, не так уж произвольно, если учесть, что на родине Ваиса, в Йемене, христианство играло в период возникновения ислама немалую роль.*

[8] А. Массэ. Ислам. М., 1982, стр. 130.

[9] См.: В. В. Бартольд. Ислам. Соч., т. 6, стр. 114.

[10] *Подробнее о причинах паломничества к святым местам в наши дни см.: Г. П. Снесарев. Шаманы и «святые» в Средней Азии. «Наука и религия», 1976, № 12; М. Шарипов. Почему идут к святым местам? «Наука и религия», 1982, № 6.*

ISSN № 0130-7045

В этом номере

В. ПЕРОВ, Ю. ШКОЛЕНКО
КОСМОС И ЖИЗНЬ

Н. ФЕДОРУК,
первый секретарь Черновицкого обкома ЛКСМ Украины
ДЕЛА ПИОНЕРСКИЕ

В. ШЕВЕЛЕВ
ВОЗМОЖНОСТИ КОЛЛЕКТИВА

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

А. КЛИБАНОВ
Из истории одной резолюции II съезда РСДРП

А. БИСКУП
РАДИОДИВЕРСАНТЫ

А. МАЛАШЕНКО
ВТОРАЯ СТОЛИЦА ЛИВИИ

10 · 1983

Г. СНЕСАРЕВ,
кандидат исторических наук

ХОРЕЗМСКИЕ СВЯТЫЕ

ХАЗРЕТ АЛИ

ОДИН ИЗ САМЫХ РАННИХ и самых популярных в исламе святых — имам Али. Это личность историческая. Он был в числе первых сподвижников Мухаммеда в борьбе за утверждение третьей мировой религии — ислама, участвовал во всех сражениях первых мусульман с противниками «истинной веры». К тому же Али дважды родственник Мухаммеда: двоюродный брат и зять — муж его дочери Фатимы. Когда умер Мухаммед, в мусульманской общине не было единодушия в том, кто должен стать главой мусульман. Считавшие, что таким правом обладают только Али и его потомки, стали называться шиитами (от арабского «шиа» — группировка, сторонники). Тогда было положено начало шиизму — одному из двух главных направлений в исламе (другое — суннизм). Шииты убеждены, что к Али и всем его потомкам перешла после смерти пророка божественная благодать и поэтому лишь они имеют право руководить мусульманской общиной. Однако преемником Мухаммеда стал другой его сподвижник — Абу Бекр, первый в истории ислама халиф, Али же получил власть лишь четвертым, в 656 году. Правителем он был слабым и удержался во главе халифата всего пять лет. Его убил один из хариджитов — так называли себя бывшие сторонники Али, покинувшие его после того, как он согласился решать вопрос о власти с помощью третейского суда, вместо того чтобы решительно выступить против соперника Муавии — претендента на халифский престол.

Такова краткая история жизни Али — неудавшегося халифа и первого шиитского имама[1] (к этой его ипостаси мы еще вернемся). Однако биография Али-святого куда более разнообразна и известна во множестве вариантов, весьма отличающихся от достоверных исторических сведений.

Вскоре после гибели Али одна за другой начали возникать легенды о его сверхъестественных способностях. Возведение этого исторического персонажа в ранг святого — яркий пример связи мусульманской агиологии[2] с политикой. Первые легенды о нем создавались и распространялись его сторонниками — шиитами и были своего рода компенсацией за их поражение в борьбе за власть. С годами рассказы об Али множились

Али на шиитских иконах (в шиизме допускается поклонение изображениям особо почитаемых святых).

и расходились по мусульманскому миру, видоизменяясь, обогащаясь новыми подробностями.

Нет никаких исторически достоверных свидетельств того, что Али когда-либо посетил Среднюю Азию, напротив, исторически достоверно, что завоевание этих территорий арабами и тем паче исламизация здешнего населения происходили в то время, когда Али давно уже не было в живых. Тем не менее в любом районе Средней Азии вам покажут «кадамджои»[3] — «места, где побывал хазрет[4] Али», и расскажут связанные с ними легенды. В них он рисуется как богатырь, совершающий подвиги во имя правды и справедливости, патрон мужей и воинов (шахи-мардан).

Легенды об Али достигли и далекого от Аравии Хорезма (хотя здесь его популярность не так велика, как, скажем, в Таджикистане). И сегодня вам расскажут здесь, что Али на своем коне по имени Дуль-Дуль перескочил через великую водную магистраль Средней Азии — реку Амударью, и покажут это место. Оно называется «Дуль-Дуль атлаган». Дело было так. Однажды, когда хазрет Али совершал свое ежедневное путешествие в Мекку для молитвы, Дуль-Дуль, прыгая через Амударью, зацепился передними ногами за берег, а задние повисли над водой («Вот и следы от ног Дуль-Дуля,— скажут вам,— видите, они сохранились до сих пор»). В большинстве вариантов легенды Али благополучно выходит из трудного положения, но некоторые говорят, что он разбился и потому глина здесь и сейчас еще красная от крови. Паломники, знакомые с такой версией, обмазывались этой глиной, которая, по их понятиям, должна быть целебной, уносили ее с собой.

От 70-летнего Исмаил-бобо мы услышали вариант легенды, объяснявшей, почему прыжок был неудачным. «Али на своем Дуль-Дуле ехал по берегу Амударьи, намереваясь перебраться через реку. Ему повстречалась плачущая старуха, которая никак не могла попасть на другой берег. Али посадил ее позади себя. Когда Дуль-Дуль так плохо прыгнул, Али заподозрил, что виновата в этом старуха, и спросил ее, кто она и чем занимается. Та ответила, что она — омывальщица мертвых, и тогда Али убил ее». Исмаил-бобо тут же перечислил, какие меры предосторожности следует принимать, если мы встретим омывальщицу мертвых,— ведь известно оскверняющее влияние людей этой нечистой профессии[5], и пример тому — случай с хазретом Али.

Хазрет Али, как свидетельствует легенда, жестоко расправился с омывальщицей. Не странно ли, что во всем Хорезме именно этот святой считается пиром — покровителем омывальщиков мертвых? Чем объяснить, что традиция связала Али со столь презираемой в прошлом профессией? Пока мы можем высказать весьма осторожное предположение: не есть ли это суннитская реакция, так сказать, «происки» мусульманской ортодоксии, пытавшейся дискредитировать величайший шиитский авторитет?

Первый очерк из цикла «Хорезмские святые» — «Султан-Ваис» см. в № 8.

[1] *Глава мусульманской общины.*

[2] *Устные предания о жизни мусульманских святых.*

[3] *Буквально: место шага; место, где ступала нога.*

[4] *Титул особо почитаемых святых.*

[5] *Этнографы хорезмской экспедиции не раз встречались в Хорезме с традиционным здесь представлением об «отверженных», «нечистых» профессиях. Подробнее об этом см.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 156—181.*

Гораздо меньшей известностью по сравнению с «местом прыжка Дуль-Дуля» пользуется в Хорезме еще одно святилище, связанное с именем четвертого халифа. Это ни более ни менее — его усыпальница[6], расположенная в окрестностях Хивы, на кладбище, которое называется его именем — Шахи-мардан. Оно почти заброшено, а когда-то считалось привилегированным. Об этом говорят развалины мечети, ханаки (странноприимного дома), корихона (общежития для чтецов Корана) — их выстроили по обету представители хивинской знати. Конечно, сооружалось все это на скорую руку, иначе не превратилось бы так быстро в живописные развалины: там навис кусок портала, тут торчит остаток стены с изразцовым орнаментом, с трудом прослеживается планировка дворика с развалившимися худжрами — кельями, в которых некогда жили чтецы Корана.

Сам мавзолей Али — традиционное для этих мест купольное сооружение — выглядит довольно опрятно. Надгробие ничем не отличается от обычных здесь кладбищенских сагона — надмогильных строений. Но свежая побелка стен, чистота в помещении усыпальницы и новые белоснежные знамена (туги), собранные в живописный пучок у входа,— все это говорит о том, что здесь еще не забыли имама Али, чей прах фантазия поколений поместила в Хорезме. Правда, сколько раз я ни бывал на этом кладбище, я не видел у мавзолея паломников, за исключением одной древней старухи.

Единственный шейх — хранитель гробницы рассказал мне, что к усыпальнице Али иногда приходят женщины, бездетные или больные, вешают на знамена обетные тряпочки и гадают, глядя в расположенный рядом колодец: если звезду увидят — значит родится девочка, если месяц — мальчик. Когда-то возле усыпальницы проходили сейли — празднества, на которые съезжалось немало народа. Они теперь совсем забыты.

Есть в Хорезме еще и другие кадамджои Али. Вблизи мазара Исмамут-ата, на границе культурной зоны и пустыни, растет дерево, к которому Али якобы привязывал своего коня Дуль-Дуля.

В селении Сари-пойон около Ханки мы записали еще одну связанную с Али легенду. Ее рассказал 84-летний Шер-бобо в ответ на мой вопрос, что означает часто встречающийся в Хорезме орнамент — вихревая розетка на дверях, воротах, на стенах, выполненная росписью по сырой штукатурке. «Это беш-панджа,— ответил старик,— символ руки хазрета Али». За этим и последовала легенда.

Один человек задолжал ростовщику тысячу рублей, а вернуть их не мог. Ростовщик потребовал, чтобы в возмещение долга тот выдал за него дочь. Но ростовщик был иудеем, а должник — мусульманином, ислам же не позволяет отдавать дочерей за людей другой веры. Пошли к падишаху. «Кто может разрешить это спорное дело?» — спросил владыка своих советников.

Хазрет Али вызвался пожертвовать собой: пусть его продадут в рабство, а полученными деньгами расплатятся с ростовщиком. Он повязал себе на шею веревку и пошел на рынок рабов. Подходили покупатели, спрашивали о цене. «Тысяча рублей»,— отвечал Али, а люди удивлялись такой дороговизне, и никто не покупал раба. Наконец нашелся падишах из других мест, который сказал Али, что купит его, если он выполнит три условия: первое — смирить Амударью, которая всегда не вовремя разливается и наносит ущерб народу; второе — убить аждархо — дракона, который живет в реке и не дает ее запрудить; третье — взять в плен богатыря Али.

Конечно, хазрет Али все эти условия выполнил. Он пошел к Амударье, увидел, что она разливается, ухватил руками гору и передвинул ее в русло реки — воды совсем не стало. Тогда Али приложил к горе свою руку и провел ладонью по земле: вслед за каждым его пальцем потекло пять рек, сливаясь воедино. Затем он взял в руки свой знаменитый зульфикор — меч с двумя лезвиями, вошел в пасть дракона и пропорол ему брюхо до самого хвоста. Оставалось пленить самого себя. Хазрет потребовал, чтобы ему дали занджир — цепи, которые предназначались для пойманного Али,— поднять их могли голько 10 богатырей, а везти — 40 верблюдов. Когда шествие с цепями вошло в город, Али объявил: «Я и есть Али, вяжите меня». Но люди не поверили и разбежались. «Я душою предан тому, что обещал. Вяжите меня!» — снова крикнул Али, и тогда один из богатырей связал его и привел к падишаху. «Как тебе удалось поймать Али?» — спросил падишах у богатыря. «Я ударил его, он упал, тогда я связал ему руки»,— отвечал тот. «Правда это?» — спросил падишах у Али. «Пусть этот богатырь даст мне руку, и я покажу, правда ли это»,— ответил хазрет и с такой силой сжал руку обманщика, что из нее брызнула кровь, а богатырь упал мертвым.

К сожалению, дослушать рассказ нам не удалось, однако, надо полагать, конфликт кончился ко всеобщему удовлетворению.

Легенда эта интересна тем, что в ней сконцентрированы все известные «сведения» о подвигах, чудесах, совершенных хазретом Али, популярным святым ислама. Они совсем не похожи на караматы[7] других святых мусульманского мира, всех этих мистических старцев, сотворявших чудеса ради демонстрации своей близости к божеству. Али в мусульманской агиологии уникален, ибо его чудеса — это богатырские подвиги, а сам он — странствующий рыцарь, борец против всяческого зла, идущий на помощь людям. Но этот богатырь невероятно далеко ушел от исторически достоверного Али ибн Талиба. Каким же образом безвольный и в достаточной степени жалкий неудачник, чья историческая биография не вызывает к нему симпатии, достиг такой популярности, столь активно вышел за рамки ислама? Дело в том, что во всех среднеазиатских легендах под именем Али скрывается его поистине знаменитый предшественник — герой древнеиранского эпоса богатырь Рустам, которого народная фантазия создала задолго до появления ислама.

Рустама можно сравнить с Гераклом античного мира, он, конечно, принадлежит к когорте героев-полубогов, из которой агиология разных религий черпала «кадры» своих святых. В течение многих столетий во всей Средней и Передней Азии передавались из поколения в поколение предания о Рустаме[8]. Народная фантазия наделила хазрета Али характерными чертами этого богатыря, так что мы видим полное их совпадение. Дуль-Дуль Али — это, безусловно, известный в древнеиранском эпосе чудесный конь Рустама по имени Рахш. И Рустам и Али сражаются с аждархо — драконом и побеждают его. А в 1961 году (правда, не в Хорезме, а около Сазагана в предгорьях хребта Каратепе) я услышал легенду о том, как хазрет Али убивает своего неузнанного сына,— повторение печальной истории из биографии Рустама: от его руки погиб неузнанный им сын Сохраб. Следует сказать, что в Хорезме самого Рустама, как и других героев древнеиранского эпоса, никогда не забывали, во многом благодаря бессмертному творению Фирдоуси «Шахнаме», сохранившему их образы.

Нельзя не сказать еще об одном связанном с хазретом Али легендарном персонаже — Камбаре. Согласно мусульманской традиции, это конюший хазрета, который ухаживал за его конем Дуль-Дулем. Интересно, что арабоязычный теолог конца IX —

---

[6] *Усыпальниц Али в Средней Азии немало: они есть в Фергане (Шахи-мардан), в предгорьях Нур-ата. Есть они и в Ираке, и в Афганистане. Об афганской усыпальнице Али сведения ал-Гарнати (XII в. н. э.) опубликованы В. В. Бартольдом (Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1. СПб., 1898, стр. 21—22). О ней же см : В. В. Бартольд. Мир Али-Шир и политическая жизнь. Соч., т. 2, стр 235—236. Напомним читателям, что халиф Али похоронен в городе Неджеф (Ирак), который по этой причине считается священным центром шиитов всего мира.*

[7] *Карамат — чудо, сверхъестественное событие.*

[8] *См., например: И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, стр. 131.*

начала X века Ан-Наубахти весьма подробно рассказавший о шиизме и назвавший множество связанных с ним лиц[9], о Камбаре не упоминает. Надо полагать, что этот персонаж возник гораздо позже, когда сам Али сделался мифом, когда у него появился волшебный конь Дуль-Дуль, за которым надо было кому-то ухаживать. Камбар не отстал от своего патрона: он тоже превратился в святого — покровителя коней и коневодов. Его почитали и исконно оседлые земледельцы, и те, кто еще недавно вел кочевой образ жизни. О том, как возник этот образ, приходится только гадать[10].

Итак, прототип хазрета Али, по данным популярных в Средней Азии легенд, для нас совершенно бесспорен. Но, поскольку с именем Али связано возникновение шиизма, представляется важным выяснить — не играл ли он какую-то роль в появлении в Хорезме этого мусульманского святого?

Почти все жители Хорезма, которые рассказывали нам легенды об Али, упорно связывали приход ислама в эти края с его именем. Али никогда не был в Средней Азии. Арабский полководец Кутейба ибн Муслим окончательно завоевал Хорезм в 712 году, то есть об исламе здесь стало известно почти через полстолетия после смерти четвертого халифа. Что же касается самой исламизации Хорезма, то для нее потребовалось еще не одно столетие. Более сведущие в истории мусульмане, с которыми мы беседовали, пытались как-то свести концы с концами, рассказывая о своем любимом герое. Они, например, говорили, что собственно в Хорезме Али не был, он дошел только до Даргана (Дарган-Ата), и что хорезмийцы «сами пришли к нему в те места и приняли ислам». Простим рассказчикам увлечение этим действительно привлекательным образом народной фантазии.

Однако против их утверждений свидетельствует еще и то, что в истории Хорезма шиизм никогда не играл главенствующей роли, а ведь это направление ислама связано с именем Али. Кратковременные периоды, когда Хорезм был под властью Ирана — при Исмаил-шахе (XVI в.) и при Надир-шахе (XVIII в.), вряд ли оказали сколько-нибудь существенное влияние на религиозную жизнь населения края.

Впрочем, в истории Хорезма были периоды, когда шиизм играл здесь определенную роль. В Куня-Ургенче нам рассказывали, что известный хорезмский богослов Фахраддин Рази принадлежал к «дому Али» и даже был одним из шиитских имамов. Возможно, в распространении шиитских идей сыграло роль то, что с давних времен в Хорезме обосновалось немало персов-шиитов, которые были взяты в плен в периоды многочисленных войн между Хорезмом и Ираном. Потомки их освоились среди населения оазиса, нашли подходящие занятия (в частности, различные ремесла), хотя еще долго, вплоть до наших времен, воспринимались коренными хорезмийцами как особая этническая группа.

Влияние шиизма на культ святых в Хорезме проявляется в такой характерной для него черте: здесь, пожалуй, чаще, чем в других местах Средней Азии, встречаются святилища, связанные с исчезнувшими, скрывшимися от людей святыми. Об одних рассказывается, что они исчезли на время и непременно вернутся к людям, о других — что они так и останутся «в сокрытии». (Напомним, что одно из главных положений шиизма — догмат о «скрытом имаме», согласно которому двенадцатый по счету имам, потомок пророка Мухаммеда, не умер, а скрылся, чтобы в назначенный час вернуться к людям и восстановить среди них справедливость.)

Идея скрывшегося от мира праведника процветает среди здешних мусульман во множестве вариантов. В Куня-Ургенче на территории городища средневековой столицы известен и пользуется популярностью холм, носящий название Кырк-мингмулла (вариант — Кырк-мулла), что означает либо «сорок тысяч мулл», либо «сорок мулл». Согласно легенде, тут скрылись под землю праведники от нашествия неверных. Стоит прильнуть к земле — и можно услышать, как они творят намаз[11]. На вершину холма приходят бездетные женщины; они ложатся на землю и скатываются к подножию холма, надеясь, что это поможет им стать матерями (заметим, что любое святое место верующие «приспосабливают» к своим насущным нуждам).

Не только в Хорезме, но и по всей Средней Азии разбросаны святилища с названием Кырк-кыз — сорок девушек: и они, преследуемые неверными, скрылись под землей. Сорок — число сакральное для Средней Азии. Кстати, отметим одно любопытное явление: те, кто нам рассказывал о сорока девушках, очень часто путали термины «кырк-кыз» и «хур-кыз», имеющие различное значение. «Хур-кыз» (от араб. «хур», обозначающего небожительниц, обитающих якобы в раю) называют девушек, обрекших себя на безбрачие, своего рода монахинь. Известно, что такого рода девушки (или престарелые женщины) «вручали» себя какому-либо ишану. Они избегали соприкосновения с «мирским». Еще в 50-х годах около мазара Гюлли-беи неподалеку от кишлака Ханка существовала женская мистическая община, где ишанами были женщины. Они самостоятельно совершали зикры — радения, имели своих учениц-мюридок[12].

Однако изложение фактического материала несколько отвлекло нас от основной мысли, которую мы формулируем так: обилие в Хорезме святилищ, посвященных «исчезнувшим» (живым, но скрытым от людей) праведникам,— это результат влияния шиизма, одного из главных его догматов — учения о «скрытом имаме». Возможно, шиитские идеи проникли в Хорезм еще в ранний период ислама, во время первых арабских завоеваний.

В связи с догматом о «скрытом имаме» интересно вспомнить о третьем сыне героя нашего очерка. Это Мухаммед бин ал-Ханафийа, родившийся не от Фатимы, а от другой жены Али — женщины из племени ханафи. После того как был убит сын Али имам Хусейн, Мухаммед появился на политической арене с притязаниями на имамат. Его поддерживали различные шиитские группы — кайсаниты, карбиты, байаниты. Этот сын Али умер в 700 году, однако среди его приверженцев широко распространилась версия о том, что «он не умер и не умрет... он скрывается, и где он находится — неизвестно». Другие сторонники этой версии уточняют: имам Мухаммед «после того, как был скрыт от своих людей, сам предстанет, спустившись на землю, и станет эмиром верующих», а также, что он «жив, не умер и пребывает в горах Радва, расположенных между Меккой и Мединой»[13].

Можно полагать, что Мухаммед бин ал-Ханафийа стоит у истоков догмата о «скрытом имаме».

Шиитские идеи о взаимоотношениях человека с божеством, о передаче божественной благодати особо выдающимся людям (в шиизме — имамам) и ее преемственности, а также конкретные представители шиитского культа, начиная с халифа Али, его сыновей и многих последующих имамов, нашли свое место в идеологии и культе суфизма — мистического учения в русле ислама. Исламовед А. Массэ называет халифа Али главой мистической традиции суфизма. Основателей суфийских братств — орденов всегда почитали как святых, считалось, что от них путем эманации передается главам орденов та-

---

[9] *См.: Ал-Хасан ибн Муса Ан-Наубахти. Шиитские секты. М., 1973.*

[10] *Возможно, он связан с космогоническим божеством древних таджиков, известным под именем Камбар — хозяин грома. Об этом см.: И. С. Брагинский. Указ. соч., стр. 75—92. Добавим, что совершенно парадоксальным образом тот же Камбар (или Гамбар) оказался пиром — покровителем музыкантов (См.: Р. Л. Садоков. Тысяча осколков золотого саза. М., 1971, стр. 7—10).*

[11] *Мусульманская молитва.*

[12] *Женские суфийские общины известны давно. Об одной такой обители в Египте (XIII в.) сообщает, например, В. В. Бартольд. Соч., т. 6. М., 1966, стр. 119.*

[13] *Ан-Наубахти. Шиитские секты, стр. 132—133.*

инственная духовная власть — барака[8].

В творчестве дервишей-каландаров, принадлежавших к суфийским орденам (и близкой к ним группе маддахов — рассказчиков и певцов), немалое место занимали сюжеты, связанные с именами Али и его сыновей Хасана и Хусейна. По всей Средней Азии в дни шиитского траура (в том числе и в Хорезме) каландары исполняли песни о мученической кончине Хасана и Хусейна. Забредая далеко в степи, эти дервиши распространяли и среди кочевников легенды и предания о популярных героях шиизма. Таким образом, суфии были весьма активными миссионерами новой религии.

Зная, какую огромную популярность быстро завоевали суфийские организации в низовьях Амударьи — как в оазисе, так и на окружавших его степных просторах,— мы не можем исключать суфизм как еще один источник проникновения шиитских влияний в Хорезм, причину появления здесь таких шиитских святых, как Али — основной персонаж этого очерка.

Подводя итоги, прежде всего следует сказать, что четвертый халиф мусульманского мира совсем не случайно, вопреки времени и пространству, оказался, а затем и «прижился» в далеком от Аравии Хорезме. Богатырский вариант святого Али возник на мощной основе древнеиранского эпоса и занесен сюда с юга Средней Азии. Почва же для его популярности была подготовлена несомненными шиитскими влияниями, вторгшимися в религиозную жизнь населения Хорезма разными путями.

Есть в культе хазрета Али черта, которая особенно привлекает к нему внимание исследователей мусульманской агиологии. Этот образ убедительно иллюстрирует то направление в процессе становления культа святых в исламе, которое можно условно назвать «светским» — в число святых, возникших таким путем, вошли халифы и другие представители власти феодального общества, популярные либо в общемусульманском, либо в местном варианте. Их усыпальницы окружены почетом в мире ислама, так как об этом позаботились многие поколения претендентов на политическое господство. В этой категории святых не было никого популярнее хазрета Али.

Сегодня культ Али в его среднеазиатском варианте переместился в основном в легенды, красивые сказки. А паломники, которые все еще идут к святым местам, связанным с его именем, не делают никакого различия между Али и другими святыми, кому традиция приписывала те же чудесные свойства, что и хазрету Али.

«Божественные» животные: правда и вымысел

Символ Солнца

По солончаковой низинке прошел табун лошадей, оставив после себя кучки навоза. Через четверть часа воздух вокруг загудел от множества невесть откуда взявшихся крупных черных жуков — скарабеев (от греческого «скарабос» — «жук»). Вмиг они все приземляются около излюбленного лакомства, и каждый начинает лепить из куска навоза подобие шара. Что только не служит орудиями жуку — передний край головы, расширенный в полукруглые грабли с шестью большими зубцами, широкие лопаты передних голеней, усаженные пятью сильными зубцами... Чтобы передними лапками разрезать навоз на части, размять его и отобрать подходящий для шара материал, скарабею приходится потрудиться как следует. Лепит он шар, то надавливая на него тяжестью всего тела, то вертя волчком, то катая под собой лапками. И все это проделывает с удивительной быстротой.

Вот самый шустрый из жуков, прежде остальных слепивший шар, уперся в него задними лапками и резво покатил в сторону. Но шар вдруг падает в ямку. Досада! Жук с усилием упирается лапками в землю, подбрасывает шар, его пластинчатые усики дрожат от напряжения, но шар скатывается обратно. Сколько же энергии и настойчивости у маленького скарабея! Сам он не весит и трех граммов, а в шаре — не меньше пятидесяти. Но вот еще одно отчаянное усилие — шар вытащен из ямки, и его спешно катят дальше. На подмогу жуку спешит один из собратьев. Нет, оказывается, вовсе не на подмогу, цели его корыстны. Вот он забирается на шар, подбирает лапки под брюшко — теперь и шар, и прильнувший к нему жук катятся вместе: жук то сверху, то сбоку, то под шаром... Глаза его поблескивают на солнце, трепещущие усики-пластинки широко расставлены в стороны, а в черном лакированном панцире отражается небо...

Необыкновенный катальщик шаров — своего рода знаменитость. Сотни и тысячи его изображений

Изображение бога солнца Хепера со скарабеем вместо головы.

ISSN № 0130-7045

В этом номере

ДРУЖБА НАРОДОВ — ЗАКОН НАШЕЙ ЖИЗНИ

М. БРУК
НОВАЯ НАУКА ГЕОТЕХНОЛОГИЯ

А. ЧЕРТКОВ
ВОПРОСЫ ПОСЛЕ ЛЕКЦИИ

Л. ЕВМЕНОВ В. ЕВСЕЕВ
Народные университеты нравственного воспитания

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ РАСКОЛА

Миклош ТОМКА
КТО ХОДИТ В ЦЕРКОВЬ?

Винфрид ЛЁШБУРГ
ВОРЫ В ХРАМЕ

12 • 1983

ХОРЕЗМСКИЕ СВЯТЫЕ

ПАХЛАВАН МАХМУД

Г. СНЕСАРЕВ,
кандидат исторических наук

Мавзолей Пахлавана Махмуда в Хиве.

В XIII—XIV веках в Хиве жил крупный поэт-мыслитель Пахлаван Махмуд. Еще его называли Палван-ата, потому что он прославился и как борец, победивший многих соперников на традиционных соревнованиях в Хорезме и в других краях (палван — значит «борец»). Поэтическая слава его шагнула далеко за пределы Хорезма, но он, как и его отец, занимался еще и скорняжным ремеслом. В условиях феодальной Средней Азии такое встречалось часто. Историк Мир Мухаммед Амин-и Бухари (первая половина XVIII в.) рассказывал о знаменитых поэтах

Начало этого цикла см. в № 8 («Султан-Ваис») и в № 10 («Хазрет Али»).

времени правления Убайдуллы-хана: «украшенный остроумием избранник времени» мулла Фитрат был вышивальщиком золотом, а мулла Мулхам, «двустишные поэмы которого подобны скрытым жемчужинам», по профессии — «отделыватель внутренности домов, заработком от этого он и содержит себя». Мулхам, по словам автора, «не ведет образ жизни, свойственный поэту, и продажею своих стихов не занимается»[1]. Надо полагать, что вдали от ханского двора и сановных кругов, в заштатной Хиве (столицей ханства она стала гораздо позже) поэтическое творчество не могло прокормить и Пахлавана Махмуда, надежней было скорняжное ремесло.

Ничего удивительного нет и в том, что скорняк Махмуд из Хивы занимался курашем — борьбой, самым популярным в Хорезме и любимым народным видом спорта. Даже ученики мусульманских учебных заведений, будущие муллы и казии, не оставались в стороне. Без кураша не обходился ни один той — пир, никакое семейное празднество. Прославившиеся борцы вели бродячую жизнь, поединками увеселяя участников тоев в Хорезме и за его пределами.

Однако ни поэтический талант нашего героя, ни ремесло скорняка, ни его увлечение борьбой не могут объяснить, почему он, Махмуд из Хивы, был причислен к мусульманским святым и стал среди них одним из самых почитаемых. Его биография скорее противоречит этому факту. Ведь он не относился ни к деятелям ислама, ни к феодальной знати, заботившейся о своей канони-

[1] *Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулланаме (перевод А. А. Семенова). Ташкент, 1957, стр. 306—307.*

зации. Не был он и суфийским авторитетом, которыми активно пополнялись мусульманские святцы. Разобраться, почему хивинский скорняк и поэт стал популярным святым, непросто.

Несомненно, что канонизация произошла через много лет после его смерти. А великолепный мавзолей Пахлавана Махмуда, с его голубым куполом, известный сегодня каждому, кто побывал в заповедной Хиве, построен над его скромной вначале усыпальницей почти через 500 лет после того, как он был здесь похоронен.

Эта гробница вплоть до недавнего времени привлекала паломников со всего Хорезма. Старики шли приобщиться к святости этого места; женщины несли больных детей или надеялись «вымолить» себе ребенка; невесты накануне свадьбы припадали к порогу усыпальницы, прося у Махмуда благословения на брак.

В Хорезме любят легенды об этом святом, передают из поколения в поколение, их можно услышать и на левом и на правом берегу Амударьи, и в дельте реки, и в горах Султануиздага. И все же Палван-ата — по преимуществу святой города Хивы и его окрестностей.

Обратимся к услышанным легендам и попытаемся хотя бы частично подвергнуть их анализу, чтобы понять, как, по чьей воле Пахлаван Махмуд сделался мусульманским святым.

Вот одна из самых популярных в Хорезме легенд о Палване-ата, ее нам обстоятельно изложил уже упоминавшийся мулла Садулла Рахматуллаев из Ханки.

Падишах Рума (Византии. — Г. С.) устраивал празднество. Заранее были припасены золотые и серебряные блюда для плова — их после пира должны были раздать гостям. Падишах пригласил и хивинского хана, который приехал в сопровождении музыкантов, певцов, скоморохов и борцов — палванов. Во время пира хозяин объявил, что утром будут состязаться борцы.

С хивинским ханом приехал и Палван-ата. После пира он пошел на кладбище к мазару, чтобы помолиться. Он просил бога даровать ему победу в утренних состязаниях. Тут он увидел старуху, которая билась головой о землю, плакала и молилась. «О чем вы молитесь?» — спросил ее Палван-ата. «Есть у меня единственный сын,— отвечала она,— он — палван, борец, этим зарабатывает на наше пропитание. И вот приехал палван хивинского хана, и если мой сын завтра проиграет, я лишусь своего добытчика. Я молюсь о том, чтобы сын мой завтра победил».

Жалея старуху, Палван-ата подумал, что ему не следует молиться о своей победе, и ушел...

Утром собрался народ в назначенном месте, сюда же пожаловал хозяин тоя и падишах, — его гости со своими свитами. Среди палванов был и сын старухи; против него вышел Палван-ата и подумал: «Я решил проиграть, но прежде покажу народу свою силу». И он поднял своего противника и отбросил его в сторону на сорок шагов. Потом они снова сошлись. Палван-ата нарочно упал на одно колено и оказался побежденным.

Рассерженный хивинский хан дал знак, чтобы Палван-ата покинул празднество. Тот ушел как был — в безрукавке и накинутом халате, а в кармане лежал ярлык — свидетельство с печатью, удостоверяющее его личность.

До поздней ночи он бродил по городу в поисках ночлега. От большого байского дома его прогнали слуги. Он пошел дальше и увидел маленький дом. Собака не тронула его, и он вошел. Это был дом музыкантов и танцоров. Одна из танцовщиц спросила Палвана-ата, кто он и зачем здесь оказался. Он рассказал и попросился переночевать. Люди, населявшие этот квартал, были родом из Хорезма, откуда переселились лет 60—70 назад. Палван-ата решил остаться жить среди них.

Прошли годы, и постепенно всем стало известно, почему Палван-ата проиграл в том знаменитом состязании. Румский падишах одобрил поступок борца и написал о нем хивинскому хану. Тот приказал визирю отыскать палвана. Соорудили специальную лавку с подарками и возглашали: «Если есть среди вас палван, проигравший на тое у румского падишаха, пусть придет и получит подарки». Но никто не откликнулся. Один очень старый человек сказал, что Палван-ата на родину не вернулся.

После долгих поисков нашли дом музыкантов и танцоров, где с тех давних пор жил Палван-ата. Посланцы хана хотели сразу забрать его в Хорезм, но бывшая танцовщица их остановила. «Вы поедете к хану,— сказала она Палвану-ата,— станете большим человеком. А как же мы? Просите 60 арб, чтобы перевезти в Хорезм всех, кто когда-то покинул его и живет здесь». Так и сделали. Палвана-ата приглашали сесть на верблюда, но он отказался и пошел пешком.

Когда достигли первого хорезмского поселения, Палван-ата предложил всем, кто ехал с ним, разойтись и искать свои прежние дома. С ним остались пять-шесть семейств. Своим большим посохом Палван-ата разрубил скалу на берегу Амударьи и двинулся в сторону Хивы, а за посохом, который он волочил за собой, из реки потекла вода — так возник канал Палван-яб. В шести верстах от Хивы они повстречали жителей кишлака Зери-шайтан, которые сказали, что не позволят Палвану-ата волочить посох по их земле и сами будут рыть канал. Тогда взял

Хива. Вид с минарета Саидбая.

Палван-ата свой посох на плечо и проклял жителей кишлака. С тех пор, начиная с этого места, арык приходится каждый год копать заново. Палвана призвали к хану, он предъявил свой ярлык и стал в Хиве большим человеком, поэтом.

Житель небольшого кишлака недалеко от Хивы мулла Юсуф Атаджанов рассказал нам другую легенду.

На месте Хивы когда-то была пустыня. После того как старый Ургенч был разрушен, люди разбрелись в разные стороны. В числе их была и будущая мать Палвана-ата, ожидавшая в то время ребенка,— она родила его недалеко от Хивы. Палвану-ата было всего 15 лет, когда он начал выступать как борец. Однажды он победил силачей далекого чужеземного владыки (вероятно, того самого румского падишаха. — Г. С.). «Проси, чего ты хочешь»,— сказал владыка Палвану-ата. «Дай мне столько людей, сколько вместит один хам (то есть шкура одного быка)»,— ответил Палван-ата. Владыка согласился и приказал принести шкуру быка. Палван-ата взял нож и разрезал шкуру быка на множество тонких ремешков, связал их и натянул вокруг вбитых в землю колышков, получился огромный круг. Тех, кто вошел в этот круг, Палван-ата и увел с собой в сторону Хивы. А от Амударьи до Хивы он тащил за собой свой посох, чертя линию, по которой чудесным образом вслед за ним потекла вода нового канала. Люди, прибывшие с Палваном-ата. и образовали население Хивы.

Существует и другая легенда о том, как появилась Хива.

Шам (библейский Сим), сын Нуха (Ноя), построил этот город в форме корабля, и он постоянно качался, как бы на волнах. А потом с неба был сброшен Палван-ата — в качестве балласта, и город перестал качаться, а Палван-ата сделался пиром (патроном) Хивы.

В Хорезме мы слышали множество вариантов легенд, связанных с образом Палвана-ата. При всей своей популярности они, однако, не дают ответа на вопрос, почему именно этот скорняк, борец и поэт сделался святым — покровителем Хивы. Несомненно лишь, что не он, так кто-то другой непременно получил бы титул городского святого. Хиве с того времени, как она стала столицей ханства и затем — резиденцией кунгратских ханов, необходим был свой святой — патрон города и правящей династии. Такого рода покровительство — явление, характерное для Средней Азии. Патроном Самарканда был Кусам-ибн-Аббас, его гробница — мавзолей Шах-и-Зинда красуется в городе и сегодня. В Бухаре (X в.) династическим святым был канонизированный правитель Исмаил Самани, позднее — шейх Накшбенди. Покровителем Гурганджа избрали суфийского шейха-мученика Неджм-ад-дина Кубра. Помимо крупных, если можно так сказать, «государственных» святых-патронов, своими святыми-покровителями обзаводились отдельные города того же Хорезма. Вообще святилище — один из непременных элементов зарождения города в Средней Азии.

Можно со всей определенностью сказать, что канонизация хивинского поэта целиком вытекала из политических потребностей господствовавших классов феодального Хорезма: как и повсеместно на мусульманском Востоке, свой доморощенный святой-покровитель был идейным олицетворением власти местных правителей. Канонизация исторически достоверных лиц к тому времени давно вошла в традицию, а Пахлаван Махмуд оказался удобной кандидатурой: слава его как поэта и борца распространилась далеко за пределы Хорезма, и ее требовалось лишь переключить в иную, религиозную сферу.

О позднем утверждении этого персонажа в хорезмской агиологии убедительно свидетельствует история мавзолея Пахлавана Махмуда в Хиве.

В ближайшие столетия после смерти хивинского поэта и скорняка (он умер около 1326 года) его усыпальница ничем особенным не выделялась. По преданию, ее построили из его скорняжной мастерской, и, как предполагают специалисты, в то время она представляла собой небольшое однокамерное сооружение, вокруг которого впоследствии (что характерно для Хорезма) возникло кладбище.

Хива еще долго оставалась заштатным городком, а в столицу ханства превратилась лишь в XVII веке. С этого времени Палван-ата и становится патроном Хивы, но культ его достиг особого расцвета к концу XVIII столетия, когда у власти прочно обосновалась кунгратская династия, избравшая его своим патроном. Слава хивинского поэта растет. Достигает полного архитектурного великолепия его усыпальница.

«Благословенная гробница полюса мира и величайшего предводителя Пахлаван-Махмуда, сына Пир-и Марвали — да святится тайна их обоих» [2],— столь лестно аттестовал и святого и его усыпальницу придворный историк хивинских ханов Шир-Мухаммад бен Эмир Аваздбий мираб (Мунис). Вокруг усыпальницы возникает целый комплекс культовых сооружений: молельня (зиарат-хана), зимняя и летняя мечети, странноприимный дом (ханака), кухни, специальные помещения для чтения Корана (кари-хана), небольшое медресе. Как уже говорилось, возле мавзолея Пахлавана Махмуда появляются фамильные склепы и усыпальницы[3].

Дабы благодать пала на почивших и здравствующих представителей правящей верхушки и для укрепления их авторитета в народе, вокруг мавзолея располагали надгробия кунгратских ханов (Мухаммед Рахим-хан и др.), а также их предшественников (Абульгази, Анушахан), членов их фамилий.

Предпоследний хивинский хан Асфендиар не попал в их число, так как был убит Джунаидом вне границ Ичан-калы — внутренней крепости Хивы в 1918 году. Да и вообще в то время правящим классам было уже не до размышлений о загробном покровительстве святого: рушилась система феодального господства в Хорезме и всей Средней Азии.

После Октябрьской революции слава культового комплекса Пахлавана Махмуда сохранялась еще долго, но, как и прочие мазары, он постепенно терял свое прежнее значение.

Созданный в период господства кунгратской династии «комбинат» при усыпальнице Палвана-ата обслуживало множество духовных лиц различного ранга. Облагодетельствованные ханами, они выполняли самые разнообразные задания своих покровителей, зачастую отнюдь не духовного характера. Известный хронист XIX века Мухаммед Риза Агехи в своем труде «Джами-уль-вакыат-и-султани» пишет, что Мухаммед Эмин-хан во время военного похода на Мерв «послал в крепость... Ата Назара — одного из мутевеллиев (распоряжающиеся вакуфным имуществом. — Г. С.) благословенной гробницы Пахлавана Махмуда — в качестве своего посла, вручив ему ласковое письмо к осажденным».

В практике военно-дипломатических отношений хивинских ханов с соседями (в частности, с туркменскими племенами) духовные лица часто выполняли такого рода поручения. Особенную активность при этом проявляли суфийские ишаны.

Создателям образа Пахлавана Махмуда — святого, да еще столь высокого ранга и со столь ответственными социальными функциями пришлось немало потрудиться, чтобы довести его до «кондиции», принятой в мусульманской агиологии. Для этого, в частности, был использован уже испытанный арсенал легендарных сюжетов, применявшихся при канонизации более ранних представителей культа святых.

Если следовать легенде, Палван-ата — хитроумен. Однако зачем святому-чудотворцу, каким его пытаются представить создатели его «жития», надо было пускаться на хитрости — например, манипулировать с бычьей шкурой? Ему стоило лишь сотворить какое-нибудь чудо, дабы увести соплеменников с чужбины. Этот момент легенды — один из явно «вставных номеров» в ту часть повествования, где действует в достаточной степени

[2] *Мунис. Фирдаус ал-икбал. В кн.: «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков». Алма-Ата, 1969, стр. 463.*

[3] *Подробное описание мавзолея Пахлавана Махмуда и примыкающих к нему сооружений дано в книге: В. А. Булатова, И. И. Ноткин. Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1965, стр. 33—40.*

реальный персонаж — хорезмский поэт XIV века Пахлаван Махмуд.

Эпизод со шкурой быка, разрезанной на тонкие ремешки, принадлежит к разряду «бродячих» сюжетов. Мы не беремся судить о судьбах этого сюжета в других местах, но что касается источника, из которого он попал в легенду о Палване-ата,— он для нас совершенно очевиден. Это — популярное на территории Турции сказание о Сейиде Баттале Гази.

Образ этого «воителя на пути ислама» зародился очень давно, еще во времена омейядского халифата, в той политической ситуации, когда развернулась экспансия арабов на малоазиатских территориях Византии. Видимо, тогда и появилась прошедшая через все средневековье легенда о Сейиде Баттале, который обманул византийского императора: «разрезав коровью шкуру на тоненькие полоски, овладел половиной города Константинополя»[4].

Популярный легендарный сюжет попал и в Среднюю Азию и вплелся в сказания о Пахлаване Махмуде именно в то время, когда особенно активно шла его канонизация как династического святого и его «житие» усиленно насыщалось примечательными деталями.

В. А. Гордлевский пишет: «Образ Сейид-Баттал-Гази, борца за веру, пришелся, очевидно, по сердцу мусульманам. Как я слышал от А. А. Семенова, книга о газаватах Сейид-Баттал-Гази во время бухарского хана Насруллы (1827—1860) была переведена с турецкого на таджикский язык»[5].

Для нашего анализа важно, что в этом свидетельстве В. А. Гордлевского речь идет как раз о том времени, когда в Хорезме «конструировался» образ Пахлавана Махмуда, покровителя Хивы и династии кунгратских ханов. Все это не случайно, как закономерно и то, что в основной легенде о Палване-ата, приведенной нами выше, фигурирует «падишах Рума», то есть византийский император, которого столь успешно обманывает Сейид Баттал, а позднее его преемники.

В процессе создания образа Пахлавана Махмуда использовались и фольклорные традиции народов Хорезма. Напомним эпизод основной легенды о том, как он пожалел старуху, которая молится о победе своего единственного сына-кормильца. Жалея старуху, Пахлаван Махмуд на другой день намеренно проигрывает схватку ее сыну.

Эпизод этот присутствует во всех версиях легенды, слышанных нами от разных лиц, так что его нельзя считать случайным. Каждый раз, когда в рассказах возникал этот эпизод, мне казалось, что есть в нем что-то давно знакомое, читанное или слышанное. И, конечно, я припомнил: он мне известен из нартского эпоса осетин.

Юный богатырь, неузнанный сын одного из нартских героев — Урызмага, ворвался на пиршество народа терк-турков, у которого они с отцом украли скот, вызвал там смятение, после чего ускакал от преследования на своем железном коне и «между шестью курганами» встретил седую старуху, которая плакала и причитала. Она поведала ему, что погибли шесть ее сыновей, остался один-единственный. «Во время погони за похитителями,— говорила старуха,— мой сын будет впереди всех, нападет на тебя. Пожалей его ради меня, ради вдовы-матери». И юный богатырь «дал ей слово, крепкое слово нартского человека, что не причинит он зла ее единственному сыну». Свое слово безымянный сын Урызмага сдержал, когда сын старухи возглавил погоню и напал на него»[6].

Примеров сюжетного сходства в фольклоре народов, не имевших абсолютно никакой исторической и этнокультурной общности, множество. Но здесь мы имеем дело с Южным Приаральем, а историческая наука доказала, что оно было зоной этнокультурных контактов предков современного населения этого края с аланами-ассами, некогда жившими на пространствах, протянувшихся далеко отсюда на северо-запад, вплоть до Причерноморья. Аланы-ассы считаются предками современных осетин. Хорезм и прилегающие к нему области хранят следы тех далеких контактов и культурных взаимовлияний. Слово алан часто встречается в названиях селений, урочищ, водных источников на территории Хорезмского оазиса. На старых картах есть урочище Кырк-алан (сорок аланов) на правом берегу Амударьи и канал Алан-яб на левом, в районе Питняка.

Помимо отдельных деталей и сам образ непобедимого Палвана-ата (равно как и образ хазрета Али в его богатырском варианте, столь популярном в Хорезме) имеет аналогии среди героев нартского эпоса.

Мы не найдем имени Пахлавана Махмуда среди знаменитых среднеазиатских святых — суфиев. Имеет ли он отношение к суфизму?

Шаманки-таджички во время камлания призывают на помощь множество суфийских и ортодоксальных святых, иных мифических персонажей, однако нет в этом длинном списке имени Пахлавана Махмуда. Зато его призывают шаманы и шаманки в самом Хорезме.

Создатели образа святого Махмуда из Хивы все же наделили его чертой, необходимой, согласно вековым стандартам, каждому суфийскому святому. Пахлаван Махмуд, как и они, совершает ч у д о — карамат: силой божественной благодати, заключенной в его посохе, он проложил новый канал, доходивший почти до города Хивы. Но как раз в этой части легенды и содержится самый большой просчет тех, кто создавал образ святого Пахлавана Махмуда. Будь они более дальновидны и, прямо скажем, поначитаннее, загляни они предварительно в труды восточных авторов — наверняка отказались бы от этой затеи с каналом. Они узнали бы, что Пахлавану Махмуду, жившему во второй половине XIII — начале XIV века, не надо было прокладывать канал, который существовал задолго до его рождения. Ибо канал Палван-яб — это не что иное, как древний канал Хейканик, тот самый «хивинский канал», по которому суда плыли до Хивы, как о том свидетельствуют авторы X столетия Истахри и Макдиси.

Название Хейканик (или Хейваник) сохранялось за этим каналом веками. Как Хейканик он упомянут в вакуфном документе Тимура Кутлука 1349 года, то есть лет через 20 после смерти хивинского скорняка и поэта Пахлавана Махмуда. Да еще и в XVII веке автор Абулгази не упоминает имени Пахлавана Махмуда. Это название встречают в ханских ярлыках XVIII—XIX веков. И только хивинские хронисты XIX века Мунис и Агехи прямо отождествляют Хейканик с Палванябом[7]. Это вовсе не случайно: они писали свои труды как раз в тот период истории Хорезма, когда завершалось оформление образа Пахлавана Махмуда — покровителя династии. Именно тогда легендой о пресловутом чуде имя святого «привязали» к древнему каналу.

Почему же для Пахлавана Махмуда из всего «арсенала» суфийских караматов — чудес было избрано чудо с водой, с каналом? По нашему мнению, оформлялся образ святого в спешке, поэтому и взяли самое трафаретное, но и в достаточной мере «полезное» чудо.

На большей части территории Средней Азии жизнь без ирригационных каналов немыслима. С глубочайшей древности стихия воды считалась священной, водные источники получали особых покровителей — божеств и духов. В процессе исламизации населения Средней Азии (начиная с VIII столетия) здешние божества и духи воды были низвергнуты, а роль подателей и покровителей воды (и ка-

[4] Этим сообщением и прочими данными о Сейиде Баттале Гази мы обязаны Вл. Гордлевскому. См.: «Государство Сельджукидов Малой Азии». М.—Л., 1941, а также приложения к этому труду; его же. Сказания и легенды.— Избр. соч., т. 1. М., 1960. стр. 336, 370. 448 459, 502.

[5] Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, прим. 4 на стр. 48.

[6] «Осетинские нартские сказания». Перевод в литературной обработке Ю. Либединского. М., 1949, стр. 41.

[7] Об этом см.: Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 128—129. Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, стр. 170.

налов) перешла к мусульманским святым. Чудеса с подачей воды, столь необходимой людям,— любимый сюжет мусульманской, особенно суфийской агиологии.

Легенд, аналогичных той, что говорит о чудодейственном посохе Пахлавана Махмуда, в Средней Азии множество, примеров для подражания у конструкторов образа Пахлавана Махмуда — святого и чудотворца — было предостаточно. Поэтому хивинское духовенство избрало для него именно этот привычный и впечатляющий вид чуда.

На примере судьбы и истории канонизации Пахлавана Махмуда мы видим, каким порой сложным путем шло становление нового мусульманского святого, когда того требовала политическая ситуация.

Что сегодня осталось в Хорезме от культа Пахлавана Махмуда? Этот образ раздвоился. О богатыре, добром, всегда бравшем сторону трудового люда, рассказывают легенды, подобные сказкам всех народов, где действует любимый благородный герой. Эта часть славы Палвана-ата совсем не связывается с мусульманской религией, ибо даже в прежние времена эти связи были поверхностны и во многом искусственны. Голубой купол мавзолея Пахлавана Махмуда в Ичан-кале — внутренней крепости Хивы — радует глаз красотой своих форм, чистотой цвета. К нему приходят, чтобы полюбоваться совершенством его архитектуры, почтить память поэта.

Еще и сегодня немало людей, которые приезжают к мавзолею, чтобы по традиции, сохранившейся в семье, обратиться к Палвану-ата с просьбой исцелить, даровать счастье, удачу. Однако эта часть биографии хивинского героя отходит на второй и даже на третий план в народном сознании.

В заключение приведем некоторые из дошедших до нас четверостиший свободолюбивого хивинского поэта. В переводе они звучат так:

Пускай не говорят, что в Мекку путь святой.
Мулла драконом стал, а раньше был змеей.
Уж если ты пошел Аллаху помолиться,
Старайся не вставать поблизости с муллой.

Сто гор кавказских истолочь пестом,
Сто лет в тюрьме томиться под замком,
Окрасить кровью сердца небо легче,
Чем провести мгновение с глупцом.

Зимой костер — нужнее алых роз,
Зимой кошма — нежнее шелка кос,
Но человек плохой всегда страшнее,
Чем самый злой и самый страшный пес.

■

ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

С. ЛАТЫШЕВИЧ

Сергей Латышевич родился в семье глубоко верующих пятидесятников. С раннего детства он воспитывался в неукоснительном следовании религиозным предписаниям. Еще не умея читать, он уже знал наизусть «Отче наш», посещал молитвенные собрания и молился наравне со взрослыми. Школьником получил крещение «духом святым» и «дар иноговорения».

Приняв водное крещение, став равноправным членом общины, Сергей с удвоенной энергией взялся за изучение Библии. Однако чем больше он размышлял над ней, тем виднее ему становились противоречия священного писания, несоответствие многих положений вероучения с реальной жизнью.

Неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы не знакомство, а затем и дружба с учителем местной школы В. А. Попеко, который исподволь развивал интерес юноши к различным наукам, ставя перед ним сложные вопросы и вместе находя на них убедительные ответы.

В 1971 году С. Латышевич открыто заявил о своем разрыве с религией. Его письмо-исповедь было напечатано в журнале «Наука и религия» № 2 за 1973 год.

Сегодня мы публикуем рассказ С. Латышевича о сложном жизненном пути одного из его бывших единоверцев.

В детстве и юности мы с Николаем Викторовичем жили недалеко друг от друга: он в поселке Телеханы, я в деревне Гортоль Брестской области, ходили в один молитвенный дом — сначала с родителями, потом уже как члены общины. Участвовали в разборах евангельских текстов под руководством кого-нибудь из взрослых, соревновались, кто больше выучит цитат из Нового завета. Вместе ездили в Минск, Барановичи, Пинск, Волковыск на молитвенные собрания пятидесятников. И когда я стал задумываться над смыслом жизни, о том, по правильному ли пути иду, всегда делился своими сомнениями с Николаем. И вот однажды я объявил единоверцам, что покидаю общину, вступаю в комсомол. Очевидно, мой поступок придал мужество и Николаю. Он тоже объявил родным: «В молитвенный дом больше ходить не буду!»

В 1972 году я ушел в армию. Отслужив, вернулся в родные места. Работал секретарем комитета комсомола колхоза, потом по комсомольской путевке вместе с женой уехал в Барановичи на хлопчатобумажный комбинат, где работаю и сейчас. В канун 60-летия СССР стал коммунистом. Не подумайте, что у меня все в жизни было легко и просто. Сложными были отношения с родителями, которые называли меня вероотступником, сыпались и анонимки с угрозами. Были и обещания: «Вернись, Сережа, в общину — дадим денег на кооперативную квартиру...» Даже посмеиваться пробовали: «Перестал в бога верить, почему же тебя начальником не поставят?» Бывшие единоверцы, а ведь это люди, среди которых прошли детство и юность, при встрече отворачивались. Нелегко бывало, иногда и отчаивался, но каждый раз в трудную минуту товарищи по работе, новые мои друзья помогали, поддерживали, ободряли.

Совсем по-другому сложилась судьба у Николая.

Однажды вечером, вернувшись с занятий в школе рабочей молодежи, он застал в доме бывших единоверцев. Увидев юношу, они дружно упали на колени и громко стали просить у бога наставить на путь истины «брата» Николая. Трудно объяснить, что пережил он тогда. Многие из этих людей были друзьями его детства, одноклассниками. Здесь же и самые близкие: отец, мать, шестеро сестер и братьев. Много связано с каждым из бывших единоверцев, много пережито на молениях, когда казалось, что «достигнуто единство с высшим духом». Коля знал: они пришли сюда с тревогой за него. «Может,— подумал он,— мне только кажется, что я увидел свет истины, оставив общину, может, это все же действительно обманчивый блеск учения Сатаны. Ведь просьбы бывших единоверцев одуматься, вернуться в лоно церкви абсолютно искренни. Да и родителей

[1] См.: «Наука и религия», 1974, № 6. Н. Чунтонова «Диалог».

ISSN № 0130-7045

В этом номере

Е. ДУБРОВСКИЙ, В. ЗЫБКОВЕЦ
ЭКСКУРСИЯ В «СТРАНУ ДУШИ»

ДНЕВНИК ДОКТОРА КРАСОВА

Г. ШЕРАВА
КНЯЗЬ-АТЕИСТ

Г. СНЕСАРЕВ
БИОГРАФИЯ ХОРЕЗМСКОГО ШЕЙХА

НАУКА И РЕЛИГИЯ

А. ШАМАРО
ЗАГАДОЧНАЯ ИКОНА

М. ЧУЛАКИ
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
Отрывки из повести

И. БОРИСОВ
ИСЛАМИЗАЦИЯ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

12·1984

ХОРЕЗМСКИЕ СВЯТЫЕ

Г. СНЕСАРЕВ,
кандидат исторических наук

ШЕЙХ ЮСУФ ХАМАДАНИ

Вполне закономерно, что шейх Юсуф Хамадани занимает почетное место в хорезмской (и вообще среднеазиатской) агиологии: именно он стоял у истоков среднеазиатского суфизма, к его школе относились многие крупные суфии, составившие основной контингент здешних святых.

Юсуф Хамадани — личность историческая, известны даты его жизни (1048 или 1049—1140), многие подробности биографии. Житие этого подвижника, хотя и богатое разного рода событиями, по существу не представляет собой что-то исключительное. Биографы рисуют его выдающимся мусульманином: по одному свидетельству, «... Юсуф Хамаданский в течение жизни 10 000 раз прочел Коран, имел в памяти 700 сочинений, посвященных божественному слову, законоведению, толкованию Корана, преданиям о пророке; беседовал с 213 шейхами... 8000 идолопоклонников обратил в ислам, тем же, которых он увещанием заставил раскаяться в грехах и наставил на путь истины, нет числа»[1]. К тому же, по рассказам его учеников, он 37 раз совершил паломничество в Мекку, к святым местам, причем добирался туда пешком.

Приходится удивляться, как за всем этим у него еще оставалось время на занятия, которые те же биографы называют основными,— земледелие и шитье обуви. Оставив на их совести невероятные количества благочестивых свершений нашего шейха, обратим все же особое внимание на его миссионерскую деятельность. Как ни сомнительно число обращенных им в ислам (8000), безусловно, во много раз преувеличенное, для нас оно важно, так как говорит об одной из существенных функций и Юсуфа Хамадани, и других подобных ему суфийских шейхов. Они были в числе главных проводников ислама на среднеазиатской земле. И Юсуф Хамадани, очевидно, весьма преуспел на этом поприще.

Исламизация Средней Азии и прилегающих к ней областей затянулась на целые столетия, но началась вскоре после возникновения ислама. В. В. Бартольд отмечал, что «мусульманская пропаганда действовала в степи еще в эпоху Омейядов»[2], то есть не позднее VIII века. А ко времени жизни интересующего нас шейха (XI—XII вв.) «степь» уже вплотную «приблизилась» к основным в то время очагам ислама, и Юсуфу Хамадани, как и другим подобным ему миссионерам, не надо было забираться в глубь Азии: тот же Хорасан, основной район проповеднической деятельности Юсуфа Хамадани, был уже наводнен массами пришельцев с севера, еще недавних шаманистов.

Известно, что он приобрел много последователей в Бухаре, довольно долго жил в Самарканде, где тоже был окружен большим почетом. Надо полагать, что именно к этому периоду относится послание султана Санджара к самаркандским шейхам и вельможам, в котором он писал: «Слышно стало, что тот богу преданный старец Юсуф Хамаданский достигли совершенства, но у нас нет случая к ним отправиться». Далее Санджар сообщает, что посылает на расходы по общежитию дервишей 50 000 динаров и просит у Юсуфа Хамадани благословения на войну с Сулейманшахом (тоже Сельджукидом, сыном его брата Мухаммеда.— Г. С.)[3].

Юсуф Хамадани умер по пути в Мерв, там и находится его усыпальница. О ней писал знаменитый суфийский поэт Джами (XV в.). В конце прошлого века ее осматривал В. А. Жуковский, после чего начал сбор сведений о Юсуфе Хамадани. Сохранилась усыпальница и до нашего времени. Однако наша экспедиция обнаружила еще одну могилу Хамадани — в селении Беш-мерген, в значительном отдалении от основных прошлых и современных центров Хорезма. Впрочем, в беседах с местными жителями выяснилось, что хорезмские «книжники», люди более или менее сведущие в богословии и мусульманских преданиях, не считают ее подлинной могилой Юсуфа Хамадани. Мулла ханкинской мечети Атаулла, довольно точно назвав даты жизни шейха, сказал, что в Хорезме Юсуф Хамадани пробыл всего три дня и здесь есть только его кадамджой (буквально: «место шага», то есть место, где ступала его нога). Кадамджоем назвал хорезмскую усыпальницу Юсуфа Хамадани и Саид Ахмед-ходжа, старик, проживавший в непосредственной близости от нее. Он разъяснял нам, что место это «очень сильное по своей святости, более сильное, чем другие места». Но в массе своей мусульмане Хорезма и сегодня верят, что Юсуф Хамадани покоится в Беш-мергене.

Удивительно, почему центром культа Юсуфа Хамадани в Хорезме оказался такой глухой угол. Ведь если прославленный шейх действительно побывал в Хорезме, то его могли с почетом принимать поклонники в Гургандже — столице Хорезма. Однако ни в одном из центров Хорезма XI—XII веков — ни в Куня-Ургенче, ни в Бируни, ни в Хиве — мы не встретили никаких следов пребывания там знаменитого шейха, никакого намека на воспоминание о нем. В селение Беш-мерген мы заехали случайно и никак не ожидали, что окажемся в зоне одного из самых загадочных культовых комплексов в агиологии Хорезма.

Эта так называемая усыпальница Юсуфа Хамадани не идет ни в какое сравнение с роскошными мавзолеями, воздвигнутыми в Хорезме над могилами святых Палвана-ата, Султан-бобо или Тюрябек-ханым. Довольно примитивное каркасное сооружение с глиняной обмазкой, типа жилого дома, с плоской кровлей, оно не имеет даже обычного купольного перекрытия. Правда, сильное впечатление производят внушительных размеров туги — ритуальные знамена, прислоненные к задней стене мазара и возвышающиеся над его крышей: большинство из них — это срубленные под корень стволы деревьев с прикрепленными полотнищами флагов, опутанные обетными тряпочками паломниц.

В соседнем кишлаке мы собрали немало информации у здешних шейхов об истории этой усыпальницы и культа Юсуфа Хамадани. Все это впоследствии было перепроверено и дополнено. Собранный материал позволяет расценить этот культ как один из оригинальнейших в агиологии Хорезма, в нем переплелись различные пути становления культа мусульманских святых.

Самым интересным для нас было сообщение о ежегодном сайле — празднестве при мазаре Юсуфа Хамадани.

Первые три статьи этого цикла опубликованы в № 8, 10 и 12 за 1983 год.

[1] *В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894, с. 172. Биографические подробности жизни Юсуфа Хамадани взяты нами главным образом из этого труда.*

[2] *В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., М., 1963, т. 1, с. 316. Омейяды — арабская династия (661—750 гг.).*

[3] *См.: В. А. Жуковский. Указ. соч., с. 171.*

Различные многолюдные празднества на мазарах святых происходили и в других местах Хорезма, но, пожалуй, только на двух (Юсуфа Хамадани и шейха Мухтара-вали) нами зафиксированы некоторые специфические особенности и в ритуале, и в поведении людей, и в той роли, которую играл сам популярный святой.

Сайли на этих двух мазарах не имели ничего общего ни с ортодоксальным исламом, ни с канонизированной агиологией: это были н о ч н ы е сборища людей, предававшихся бурному и в достаточной степени беспорядочному веселью и, как о том говорят почти все информаторы, с весьма вольными отношениями между мужчинами и женщинами, что, разумеется, абсолютно не вяжется с традиционными нормами ислама.

Явление это в значительной степени уникальное, но есть все основания полагать, что очень скоро детали его исчезнут из памяти даже старшего поколения, поэтому остановимся на нем подробнее, ибо многие моменты этих празднеств несомненно еще привлекут внимание религиоведов.

Сайли при мазаре Юсуфа Хамадани собирали народ из самых разных, часто весьма удаленных мест Хорезма. Житель кишлака Беш-мерген, где находится этот мазар, Юнусджан-ишан (1907 года рождения), причислявший себя к его хранителям, подробно рассказал нам о ритуале празднества.

Сайль здесь бывал в сентябре, когда все созревало в полях и садах. На праздник приезжали целыми семьями и располагались «землячествами» — хивинские гости в одном месте, ургенчские — в другом, ташаузские — отдельно и т. д. Праздник начинался в четверг, в полдень, потому старались приехать уже с утра; разгар сайля приходился часа на четыре, заканчивался он после полуночи — к двум часам.

Никаких особых распорядителей не было, а в каждом «землячестве» за порядком следили свои йашулы (старики). Продукты и казаны для приготовления пищи каждая община привозила с собой.

Для молитвы празднество не прерывали. Муллы, если и присутствовали, просто сидели и наблюдали, никаких своих обязанностей не исполняли. А если находились желающие помолиться, они отходили в сторону.

Главным на сайле было «томошо» — развлечения. Сюда съезжались музыканты, певцы, масхарабозы — скоморохи, дорбозы — канатоходцы, курчакчи — кукольники. Сначала выступали музыканты и певцы, затем следовал кураш — состязания борцов «тарап ма тарап» (сторона на сторону). Потом танцевали юноши. Но ни любимейшего в Хорезме боя баранов, ни обычных собачьих боев, ни козлодраний на этом празднике не было. В два часа ночи на пятницу все очень быстро разъезжались, даже разбегались, если не успевали сесть на арбы.

Об этом странном, уже давно исчезнувшем празднестве при мазаре Юсуфа Хамадани рассказывали нам и жители кишлаков, расположенных вблизи крепости Кят. Приведем несколько наиболее интересных свидетельств, дополняющих то, что уже рассказано о сайле.

Мы услышали, например, что под утро шейх Юсуф выходил из могилы. Причем одни информаторы говорили, что ему не нравилось, если люди к тому времени еще не разошлись, а другие объясняли это иначе: Юсуф, мол, наблюдал сборище и радовался вместе с людьми, так как этот святой любил веселье.

Старики рассказали, что шейхи мазара брали у хивинского хана разрешение на проведение сайля и получали от празднества большую прибыль.

«Все это — неправильно по законам ислама»,— твердил один наш информатор, представитель местного мусульманского духовенства. Да, он весьма точно подметил, что сайль при мазаре Юсуфа Хамадани не имел ничего общего с ортодоксальной религией.

Ни в коей мере не соответствует традиционным обычаям, укоренившимся в быту населения и закрепленным нормами мусульманской религии, еще одна

● *Паломницы у святой могилы.*

уникальная черта этого празднества, о которой мы уже упоминали. Юнусджан-ишан сообщил нам:

«На сайль при мазаре Юсуфа Хамадани приезжали мужчины, женщины и дети. Женщины здесь мешались с мужчинами и никогда не закрывали лица. На эти сайли и ходили-то главным образом женщины. А в других местах, на других тоях женщины всегда сидели отдельно от мужчин. Бесплодные женщины приезжали сюда и для того, чтобы побывать на сайле и чтобы одновременно совершить зиарат, паломничество к могиле святого. А святой был доволен тем, что доставляло удовольствие собравшимся. Он был кичиримли (т. е. прощающий.— Г. С.) и дал большие права людям».

Бабаджан (лет 65) из кишлака рассказывал: «На сайле совершались любовные дела, из-за этого даже происходили убийства. Я помню такой случай — муж убил жену, так как застал ее с чужим мужчиной».

А как смотрел святой на вольное поведение мужчин и женщин? «Святой был простым человеком»,— объяснял такое попустительство старик Саур-бобо. «Веселье на сайле прощалось, так как святой сам был веселый,— рассказывали нам местные жители.— Случаи вольного поведения мужчин и женщин бывали на праздниках и у других мазаров, но другие святые этого не прощали, наказывали за такое поведение; люди знали это и остерегались, а на мазаре Юсуфа Хамадани творилось в августе и сентябре что-то необычное, и за это никто не наказывал. Значит, святой прощал это».

Специфическое поведение мужчин и женщин на этом сайле, его особый, необычный характер, столь далекий от мусульманского правоверия, можно расценить как отдаленный пережиток древних празднеств сбора урожая и связанных с магией плодородия и носивших характер оргий[4].

Предположения о происхождении хорезмских сайлей помогают уяснить пути становления культа мусульманских святых, в том числе и хорезмского варианта культа Юсуфа Хамадани. Об этом мы еще скажем в заключение.

Чтобы закончить рассказ о сайле при мазаре Юсуфа Хамадани, остается упомянуть об одном странном обычае, о котором мы до тех пор не слышали. Это «арава тиркаш» — сцепление арб. Развлечение заключалось в том, что толстыми жердями скрепляли две арбы (одна вслед за другой) и в эту колесницу впрягали одну-единственную лошадь. На арбы и жерди рассаживалось до 20 человек (рассказчики называли и бóльшую цифру), среди которых были молодые женщины-артистки и парни. У одного из них

[4] *Подробно этот вопрос освещен в книге: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 303—306. Прим. ред.*

на плечах сидел бача — мальчик-танцовщик, движениями рук имитировавший танец. На первой арбе сидел музыкант с сурнаем[5]. Колесница медленно двигалась, подталкиваемая пешими участниками развлечения, ее старались втащить на какое-нибудь возвышение, например на мост через канал.

Смысл этого обычая никто разъяснить не мог; ортодоксальные муллы, с которыми мы беседовали, относились к нему крайне отрицательно. Возможно, он некогда имел сакральный смысл, но какой? Пока это не расшифровано.

Образ шейха Юсуфа Хамадани, пожалуй, самый необычный и сложный в хорезмской агиологии. На первый взгляд, все, как положено: к лику мусульманских святых причислен почитаемый подвижник, далеко не рядовой суфийский шейх, основатель среднеазиатской школы мистицизма. Но это только на первый взгляд. Необычное начинается уже с того сайля, который описан выше, со всеми присущими ему загадочными компонентами. Мнимая усыпальница Юсуфа Хамадани обнаруживает древнюю основу культа, на которой он, собственно, привился и получил дальнейшее развитие: усыпальница эта была своего рода Меккой, куда стремились со всего Хорезма люди с больной психикой, надеясь получить здесь исцеление.

Душевнобольных привозили и на другие мазары Хорезма, но мазар Юсуфа Хамадани был, так сказать, «специализированной лечебницей». Вот что рассказал по этому поводу уже упоминавшийся житель Беш-мергена Юнусджан-ишан: «Шейх Юсуф Хамадани — исцелитель сумасшедших («джинни»). Это — его специальность. Если к Султан-бобо[6] в год трех-четырех сумасшедших привозят, то сюда в месяц — 40—50 человек, из Куня-Ургенча, Кунграда, из Ташкента. Они живут здесь вокруг мазара в землянках или у знакомых в кишлаке. Буйных привозят связанными».

Джамал Махмудов из кишлака вблизи Шавата рассказывал: «Когда привозят к Юсуфу Хамадани джинни, шейх мазара умеет подойти к таким больным, на буйных он накладывает цепи. Некоторые джинни сразу же уходят: это значит, что святой не пожелал оказать помощь, а кого он хочет вылечить, те остаются. С них цепи на сороковой день спадают сами; такой джинни после навещает мазар уже по собственной воле. Возле больных никто не читает молитвы; вообще в таких случаях не молятся. Шифо (исцеление) приходит от пребывания на мазаре. Больные сидят на земле, им дают пищу и воду, если святой захочет, больной вылечится...». Много мы слышали рассказов стариков о случаях исцеления душевнобольных на мазаре Юсуфа Хамадани.

Собранные в Хорезме материалы ясно показали, что культ Юсуфа Хамадани тесно связан с комплексом домусульманских верований и обрядов, который мы называем шаманством (безусловно, он сегодня резко деградировал, однако его нельзя считать окончательно изжитым). Более того, Юсуф Хамадани, этот уважаемый суфийский шейх, превращен в пира — покровителя шаманов и людей, страдающих разными нервными расстройствами, психически неполноценных. Хочу здесь напомнить о весьма необычном поверье, которое выделяет Юсуфа Хамадани среди многочисленных святых Хорезма: будто во время сайля святой выходит из своей могилы и наблюдает за развлечениями собравшихся. Поверье это уникальное и связано, возможно, с особым характером его культа.

Вот интересный рассказ Вапы Ваисова, исполнявшего обязанности шейха даже не у мазара Хамадани, а далеко от него, на правой стороне Амударьи, при мазаре Султан-бобо:

«Парханы (шаманы) здесь, на мазаре Султан-бобо, бывают, но «потия» (благословение.— Г. С.) они здесь не получают. Для этого они едут на мазар шейха Юсуфа Хамадани. Когда человек становится джинни — это значит, что джинны и пери «замкнули замок», а ключ от этого замка — Юсуф Хамадани». Примерно то же рассказывал нам Юнусджан-ишан из Беш-мергена: «Шейх Юсуф Хамадани еще при жизни своей подчинил своей воле всех джиннов, пери и дэвов[7], к его могиле получать благословение приходят шаманы, парханы. Бывает, что джинни, которые лечатся на мазаре Юсуфа Хамадани, становятся фолбинами — шаманами. Во время сна они слышат: «Ты должен быть фолбином!»

Те наши собеседники, которые представили нам Юсуфа Хамадани как покровителя шаманов, дали, пожалуй, самую детальную характеристику системы шаманства из всех полученных нами в Хорезме. Остается упомянуть еще об одном свидетельстве. Существует поверье, что учителем Юсуфа Хамадани был сам Лукман-хаким, который в исламе считается основателем науки врачевания. Согласно преданию, он был современником первых людей на земле, и к нему «сошлись все лекарственные растения, чтобы предоставить себя в его распоряжение».

Для выяснения путей становления культа мусульманских святых в Хорезме культ Юсуфа Хамадани интересен в двух аспектах.

Конечно, здесь имеет место весьма банальный процесс канонизации известных суфийских шейхов далекого прошлого, растянувшийся чуть ли не до наших дней, когда к святым причислялись и самые что ни на есть рядовые ишаны, возглавлявшие мелкие провинциальные общины в их вульгарном варианте, уже почти лишенном каких-либо религиозно-философских элементов раннего суфизма.

Но другой аспект культа Юсуфа Хамадани куда более примечателен, пусть даже наши предположения останутся гипотезой. Представляется, что в ту эпоху, когда завершалась исламизация населения Хорезма и окружающих степей, когда из сознания и ритуалов решительно вытеснялись древние верования и внедрялись новые объекты поклонения, соответствующие мусульманскому вероучению, именно этот культ, в силу выдающегося положения шейха Юсуфа Хамадани и его роли в религиозной жизни народов Средней Азии, заместил в масштабах Хорезма какой-то крупный языческий объект поклонения, связанный с культом плодородия, с укоренившимися у древнего населения Хорезма шаманистскими представлениями и обрядами.

На эту мысль наводит все: и странное местонахождение эпицентра культа — в глухом углу оазиса, и непривычный характер празднеств (сайлей) у мазара, сохранивших элементы магической эротики, и особенно — функциональная специфика мазара, связанная с шаманством, с его ритуалами, имеющими целью исцеление душевнобольных.

Конкретизировать этот древний объект поклонения уже невозможно. Был ли он одним из божеств маздеистского пантеона, или еще более архаичный «великий дух» шаманистического цикла верований, ответить трудно. Представляется вероятным, что здесь некогда существовал один из очагов древнего культа плодородия, того культа, реликты которого в Хорезме, этом подлинном заповеднике этнографической и археологической архаики, прослеживаются повсеместно, в самых различных областях быта. Возможен и другой вариант: культ Юсуфа Хамадани совпал здесь с каким-то шаманским центром, святилищем, где шаманы проходили ритуал посвящения. Для определенной эпохи в истории Средней Азии такая замена традиционна. Вряд ли подлежит сомнению, что многочисленные святые, пиры-покровители, представления о которых были широко распространены не только у ремесленников, но и вообще в любой профессиональной среде, заняли в свое время место доисламских божеств и духов с аналогичными функциями покровительства, изгнанных из сознания и ритуала в процессе исламизации населения Средней Азии.

---

[5] *Духовой инструмент.*

[6] *Святилище на правом берегу Амударьи у гор Султануиздаг; о нем рассказывалось в нашем журнале (1983, № 8).— Прим. ред.*

[7] *Духи, с которыми «имеют дело» среднеазиатские шаманы.*